

**ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально–гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью**

Европейское направление внешней политики КНР в XXI веке

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Янушаускас Станислав Йонасович,
студент 407 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОП ВО:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Уфимцева Ольга Витальевна,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

дата

подпись

Оглавление

	с.
Введение	2
Глава 1. Концептуальные основы внешней политики КНР в Европе	6
1.1. Принципы внешней политики КНР в XXI веке.....	6
1.2. Геополитическое положение КНР и стран ЕС.....	15
1.3. Нормативно–правовые основы взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС.....	28
Глава 2. Тенденции и перспективы развития Европейского направления внешней политики КНР	40
2.1. Политические аспекты взаимоотношений КНР и ЕС.....	40
2.2. Торгово–экономические, социальные и культурные аспекты взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС.....	48
2.3 Перспективы Европейского направления внешней политики КНР в XXI веке.....	88
Заключение	95
Список используемых источников и литературы.....	98
Приложения.....	108

Введение

Отношение Китая к Европе строго связано с направлениями его внешней политики. С момента создания Китайской Народной Республики в 1949 году внешняя политика была в основном основана на идеологии, и во многом зависела от видения Мао Цзэдуна интереса Китая и курса международной политики.

В первые годы КНР Китай воспринимал Европу через стратегию «одностороннего» видения. Это означало, что Китай основывал свои отношения на тесных связях с Советским Союзом (СССР) и социалистическим блоком, против империалистического американского лагеря. Западная Европа рассматривалась как инструмент в руках США. Процесс европейской интеграции, начатый созданием Европейского сообщества угля и стали в 1952 году, был воспринят Мао как свидетельство ослабления позиций США. Он считал, что целью Сообщества является экономическая интеграция Западной Европы, чтобы избежать разрушения капиталистической системы, навязанной США Европе.

Актуальность данного исследования определяется тем, что на современном этапе Китай изменил политический курс, которого придерживался Мао Цзэдун и ведет активное сотрудничество со всеми странами, вне зависимости от их принадлежности к какой-либо политической системе.

Также следует упомянуть феномен, связанный с развитием Поднебесной, так как оставаясь социалистической страной, Китай ведет торговлю и сотрудничает со всеми странами мира, сохраняя свою самобытность как в политическом, так и в торговом отношении. Хорошими примерами этого процесса являются заявления Дэн Сяопина. В 1974, после вступления Великобритании в Европейские сообщества, когда он сказал: «Это было очень важное событие, которое помогло западноевропейским народам в борьбе против гегемонии» [Выступление Дэн Сяопина, Пекин,

1974, режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/david-gosset/the-european-union-and-ch_b_8308746.html (дата обращения: 12.12.2017)].

Также стоит отметить, что, в отличии от России, Китай строго придерживался своего политического курса и никогда не вносил изменений в свой политический курс, если это могло негативно повлиять на экономику страны, или же противоречило интересам КНР.

Пример Китайской Народной Республики способствовал выбору данной темы с целью изучения основных принципов экономики, способности к ведению политической борьбы мирным путем и зависимости других стран от Китайской Народной Республики.

Объектом исследования является направление внешней политики КНР на современном этапе.

Предметом исследования является политическое, экономическое сотрудничество КНР со странами Европы.

Хронологические рамки обусловлены началом XXI века и ситуацией происходящей на современном этапе (2001–2017 год).

Территориальные рамки. Границы исследования охватывают материковый Китай, страны ЕС.

Степень изученности темы. Изучением данной темы занимается совет ЕС по делам в Азии, Также отдельные институты, созданные на территории стран–участниц ОПОП (Институт Нового Шелкового Пути в Праге). Для изучения данной темы были использованы труды профессоров Европейских университетов, в частности: кандидата наук Нидерландского университета международных отношений – Франца–Пола Вандерпуттена, исследователя Института Европейского Союза и Азии – Мигеля–Отеро Иглесиаса, глава отдела китайских исследований Французского института международных отношений – Алисы Экман. Они исследуют современный политический курс Китая в Европейском направлении.

Из отечественных исследователей данной темой занимаются: Криворотов А.К., Михайлов Ю.И., Виноградов А.О. Данные специалисты

оценивают внешнеполитические связи КНР и стран Западной Европы, особое внимание уделяя экономической составляющей данных отношений.

Цель исследования: изучить Европейское направление внешней политики КНР на современном этапе.

Для реализации указанной цели в работе должны быть решены следующие задачи:

1. Рассмотреть геополитическое положение КНР и структуру ЕС.
2. Изучить принципы внешней политики КНР в XXI веке.
3. Проанализировать нормативно–правовые основы взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС.
4. Рассмотреть политические аспекты взаимоотношений КНР и ЕС.
5. Рассмотреть торгово–экономические, социальные и культурные аспекты взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС.
6. Выявить перспективы Европейского направления внешней политики КНР в XXI веке.

Источниковая база. Во время работы над темой основной источниковой базы являлись политические журналы: Проблемы Дальнего Востока, Китай в мировой и региональной политике, Forbes. История и современность. Статьи, связанные с изучением темы Европейского направления политики Китая: Vision and actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st–Century Maritime Silk Road, Why the China–Europe “Silk Road” Rail Network is Growing Fast, Mapping Europe–China Relations: A Bottom–Up Approach, European Think–tank Network on China. Исследования институтов, изучающих аспекты китайско–европейского сотрудничества: Институт Нового Шелкового Пути в Праге, Пекинский Государственный Университет, Французский институт международных отношений, Нидерландский институт международных отношений.

В работе использовался ряд теоретических **методов:** анализ международных документов, подходов к параметрам современной системы международных отношений, а также параметры геополитической характеристики стран. После сравнения различных подходов к

классификации параметров современных международных отношений был использован метод обобщения. Также были использованы эмпирические методы. С помощью метода описания были представлены характеристики и сравнение взаимоотношений разных стран Европы и Китая. Благодаря методу экспертной оценки в работе были выделены некоторые компоненты современной системы международных отношений, с которыми согласны все ученые, и основные факторы направления внешней политики КНР. Для изучения освещения данной темы в средствах массовой информации и позиции различных стран по этому вопросу был использован контент-анализ. Ситуационный анализ использовался для создания возможных сценариев развития внешнеполитического курса.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении формулируется актуальность данного исследования. В первой главе описываются параметры и принципы геополитики, внешняя политика стран Европы и Китая. Во второй главе анализируется степень вовлеченности отдельных стран в инфраструктуру Китая, оценивается степень политического и экономического сотрудничества этих стран. В заключении мы подводим итог исследования и представляем наиболее вероятный сценарий развития политики КНР в Европейском направлении.

Глава 1. Концептуальные основы внешней политики КНР в Европе

1.1. Принципы внешней политики КНР в XXI веке

В настоящее время в китайской внешней политике присутствуют два ключевых компонента, которые неявно противоречат друг другу. С одной стороны, сохраняют силу базовые внешнеполитические принципы Дэн Сяопина, заложенные в 1990–е годы: «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» и др. С другой стороны, после выхода в 2010 г. Китая на второе место в мире (первое у США) по размеру ВВП некоторые внешнеполитические положения великого реформатора стали не столь актуальны. В китайском политическом руководстве и экспертном сообществе, в условиях общего изменения качества и масштабов китайской внешней политики, появилась потребность в разработке и принятии новых идей и подходов. Среди них необходимо выделить следующие:

- *«Совместное развитие»*. По замыслу китайских политиков, процессы развития и модернизации должны протекать «параллельно» во всех странах. В идеале не должно быть «перекосов» или развития одних стран за счет других. Подобное «совместное развитие», в свою очередь, создает дополнительный эффект взаимной заинтересованности в партнерстве и сохранении стабильности.
- *«Глубинные изменения»*, которые объективно требуют определенной перенастройки китайского внешнеполитического механизма.
- *«Гармоничный мир»*. Данный концепт имеет как внешнеполитическую направленность – развитие гармоничных отношений КНР со странами ближнего и дальнего окружения, поддержка «гармоничных отношений» между самими странами, так и внутривнутриполитическую – формирование «гармоничного общества» в самом Китае.

- «Совместная ответственность». Здесь просматривается попытка Китая дистанцироваться от американской модели ответственности, половину которой (в рамках G–2) США хотели возложить на Китай.

- «Активное участие». В этом тезисе содержится скрытый посыл, говорящий о смене акцентов в китайской внешней политике, переходе к более активному позиционированию в мире – как в двусторонних, так и многосторонних форматах: в рамках ООН, ШОС, РИК (Россия – Индия – Китай), БРИКС, АСЕАН +1, АСЕАН +3, треугольника «Китай – Южная Корея – Япония» и др. [Криворотов А.К., 2015. с. 136—137].

Все перечисленные пять идей имеют общую цель. Которая может быть сформулирована в виде задач: преодоление узкого регионализма во внешней политике и преодоление комплекса развивающегося государства.

Причем это происходит не спонтанно, а согласно создаваемой глобальной повестке, в которой можно выделить следующие пункты:

- Борьба с мировым финансовым кризисом вместе с ведущими державами и формирование новой, более адекватной международным реалиям глобальной финансовой архитектуры.

- Участие в противодействии терроризму, наркотрафику, морскому пиратству, а также экологическим и климатическим, энергетическим, продовольственным и иным нетрадиционным вызовам и угрозам.

- Экономический и политический выход Китая на рынки и страны, где раньше он либо не присутствовал, либо присутствовал недостаточно: в Латинской Америке, Африке, Центральной (постсоветской) Азии и др.

- Вхождение КНР в географически отдаленные, но в глобальном плане перспективные и важные проекты — освоение Арктики и Северного морского пути, энергетические и транспортные магистрали в районах Ближнего Востока, Тропической Африки, Латинской Америки и др.

- Активная поддержка инициатив, ориентированных на формирование «неамериканского» многополярного мира – ШОС, РИК, БРИКС.

Анализ двух названных выше «преодолений» позволяет выделить относительно новые тенденции китайской внешней политики, которые либо находятся в начальной стадии реализации, либо только формируются.

Несмотря на интеграцию в международное сообщество, дипломатическая сфера является еще одной сферой, где позиция Китая как частичной власти очевидна. С одной стороны, она пользуется атрибутами мировой державы: постоянным членом Совета Безопасности ООН, членом «Большой Двадцатки», участником всех крупных международных встреч на высшем уровне и т. д. С другой стороны, За исключением центральной роли в процессе шестисторонних переговоров по Северной Корее, Китай остается чрезвычайно реактивным и пассивным в этих местах. Он не принимает активного участия в попытках решить какую-либо серьезную глобальную проблему (за исключением, возможно, вопроса Северной Кореи). Он не формирует международную дипломатию, не ведет политику других стран или не выстраивает глобальный консенсус [First ETNC report, Mapping Europe–China Relations: A Bottom–Up Approach, 2015. с 1–196.].

По многим международным вопросам Пекин принимает непринужденный язык в публичных документах, которые не имеют существенного значения и достоверности. Даже на шестисторонних переговорах Пекин был довольно пассивным в своей роли, способствуя, но едва ли был лидером, и это не дало положительного результата. Напротив, Северная Корея наращивает свой ядерный арсенал и занимается более угрожающим и провокационным поведением именно в период, когда Китай должен был играть центральную роль в разрешении этого вопроса. Таким образом, Китай является международным игроком, но не международной дипломатической силой.

Модель развития китайской экономики и роль Китая в мире сильно изменились за последние десятилетия. С конца 1970–х, когда начались реформы и была провозглашена политика открытости, и до самого недавнего времени экономика страны росла в среднем на 10% в год. После вступления

Китая в начале 2000–х во Всемирную торговую организацию его роль в мировой экономике становилась все более значительной и заметной, и в итоге он превратился в крупнейшего участника международной торговли [Михайлов Ю.И., 2009, №1, с. 152–159].

Последние десять с небольшим лет растет доля Китая в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций и международном финансировании, главным образом за счет займов и финансовой помощи развивающимся странам (приложение 10).

При этом вопрос, как стремление к богатству соотносится у Китая со стремлением к могуществу на международной арене, вызывает все больше разногласий и споров. До сих пор не вполне понятно, сказалось или нет расширение и укрепление международных экономических связей Китая на его могуществе и влиянии в мире, а если сказалось, то как: усилило его позиции или привело к появлению новых уязвимых мест и взаимозависимостей.

В условиях запуска таких масштабных проектов, как «Один пояс — один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, не говоря уже об общей активизации китайской экономической дипломатии, все более актуальным становится определение взаимосвязи между экономическим и политическим аспектами внешней политики Китая, в частности между вопросами развития и безопасности [Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st–Century Maritime Silk Road', March 2015 режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html. (дата обращения: 12.12.2016)].

Официальная реакция Китая на обеспокоенность других стран основывается на логике выигрышной для всех парадигмы **мирного развития**. В официальной дипломатии и внешнеполитической риторике парадигма мирного развития описывает и легитимизирует приверженность Китая модели общемирового экономического развития, способствующего укреплению мира и стабильности на Земле. По сути, она представляет собой

концептуальную модель, которая демонстрирует четкое понимание того, как экономическое развитие помогает мирно решать вопросы международной политики и безопасности, а также внутренней стабильности. Важное значение в парадигме мирного развития отводится представлению о Китае как о развивающейся стране, перед которой стоят те же вызовы, что и перед другими развивающимися странами.

Стратегия мирного развития была опубликована в 2011 году, но этому предшествовали почти двадцать лет размышлений о том, как лучше подать возвышение Китая, чтобы успокоить тех, у кого оно вызывает тревогу. Некоторым доктрина мирного развития кажется новым вариантом аксиомы Дэн Сяопина, согласно которой Китаю во внешней политике следует выжидать и скрывать свои возможности, и потому воспринимается прежде всего как обоснование пассивности [Overholt W.H. 1973, July, №7, p.109].

Такой взгляд не учитывает принципиальной идеи доктрины, словно бы позаимствованной из классики экономического либерализма: развитие китайской экономики зависит от мира и стабильности в регионе и в других частях света, но в то же время активное участие Китая в международной торговле, инвестициях и финансах помогает поддержанию стабильности и мира, поскольку способствует глобальному экономическому развитию. На очень похожей логике основано управление политикой и экономикой внутри Китая: экономическое развитие необходимо для поддержания социальной стабильности, которая, в свою очередь, создает условия для развития экономики. В том, что касается внешних отношений, доктрина мирного развития полна заявлений о взаимовыгодном экономическом и политическом сотрудничестве с самыми разными странами. Это отражает глубоко укорененную в Китае марксистскую традицию, которая постулирует наличие связи между экономикой и политикой — как внутри страны, так и на международном уровне. Си Цзиньпин не только не отказался от основных политико-экономических принципов парадигмы мирного развития, но и постоянно подчеркивает ее центральную роль. Продвижение новых

внешнеэкономических инициатив соответствует логике парадигмы и распространяет ее на новые направления. Китай преподносит «Один пояс — один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в первую очередь как инициативы экономического развития, призванные связать его с ближними и дальними странами через финансирование и строительство транспортной инфраструктуры и других проектов, способствующих укреплению международных связей [Overholt W.H 1973, July, №7, p.111].

Поэтому, пропагандируя эти инициативы, китайские власти, ученые и аналитики стараются делать акцент на роли Китая как движущей силы экономического развития в регионе и во всем мире. Китайские лидеры всеми силами подчеркивают, что их страна, в отличие от Америки и европейских держав, никогда не будет претендовать на господствующее положение в мире — и именно политико-экономическая логика взаимной выгоды и недавние инициативы Китая являются лучшим подтверждением этих слов. Парадигма мирного развития занимает центральное место в официальной внешнеполитической риторике Китая, но параллельно в стране разворачивается ряд важных дискуссий о проблемах и возможностях, которые уже возникают или возникнут в будущем в связи с расширением глобальных экономических связей.

Невзирая на дискуссии и дебаты о проблемах, возникающих по мере увеличения богатства Китая и его взаимозависимости с мировой экономикой, руководители Китая продолжают выступать с масштабными инициативами по развитию экономики. Наряду с разрекламированными и широко обсуждаемыми «Один пояс — один путь» или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций можно назвать, например, обещание внести 1 миллиард долларов в учрежденный под эгидой ООН Фонд мира и развития. Некоторые китайские аналитики даже предполагают, что у масштабных китайских проектов, в первую очередь миротворческих миссий в Африке, существует концептуальная основа — полноценная теория мирного развития. После резонансных заявлений Си Цзиньпина о региональном и

международном развитии как залого безопасности во всем мире количество сторонников этой точки зрения, без сомнения, увеличится.

Некоторые специалисты американских и европейских аналитических центров и эксперты–геополитики пользуются термином «**геоэкономика**» для описания давно существующей предрасположенности Китая к использованию подходов реализма и меркантилизма при выстраивании отношений между государством и экономикой, а также при выстраивании внешнеэкономической политики [Djankov S.2016. p.243].

Придерживаясь геоэкономического взгляда на внешнюю политику Китая, можно акцентировать внимание на применении китайскими властями инструментов экономической политики для достижения более общих внешнеполитических или геостратегических целей. Анализируя, можно сказать, что Пекин использует инициативы для усиления своих политических и геостратегических позиций. По мнению некоторых аналитиков, разделяющих принципы геоэкономической парадигмы, если стратегия Китая не будет уравновешена адекватными мерами, он упрочит свою доминирующую позицию в регионе и в значительной части третьего мира. В конечном счете логика геоэкономического подхода подводит к выводу о близящемся конце экономического, политического и стратегического влияния Соединенных Штатов и их европейских союзников с последующим крахом либерального миропорядка [«Ren ming Ribao», 2016, с.112].

Однако если более точно рассмотреть доводы сторонников геоэкономического подхода, обнаружатся противоречащие ему и просто неожиданные последствия углубления взаимозависимости китайской и глобальной экономик. На ряд таких противоречий указывают ежегодные доклады, которые с недавних пор выпускает Всемирный экономический форум от имени своего Совета по глобальной повестке в области геоэкономики.

Результатом появления прочной региональной и глобальной экономической взаимозависимости становится не только «серьезный подрывной потенциал» Китая, но и его зависимость от мирового рынка, геополитических перемен и кризисов. Так, например, мировой финансовый кризис 2007–2009 годов обнажил зависимость Китая от спроса на его продукцию в США и Европе, а войны и нестабильность на пространстве от Ливии до Ирака показали, как непросто дается борьба за энергетическую безопасность Китаю, который все больше рассчитывает на ближневосточные и африканские поставки нефти и газа. Увеличение внимания к геоэкономике Китая со стороны преимущественно американских и европейских исследователей и институтов отражает и растущую в других частях света заинтересованность и порой озабоченность тем, что экономическая взаимозависимость с Китаем вызывает к жизни новые модели экономического и политического влияния. Экономические отношения Китая с другими крупными странами — экспортерами сырья, такими как Россия и Австралия, также сопровождаются причитаниями по поводу роста политического и геостратегического влияния Китая [«Ren ming Ribao» 2016 с.115]. Независимо от того, отдают ли наблюдатели себе отчет в том, что пользуются в своих рассуждениях понятиями геоэкономики, все чаще звучат опасения, что благодаря расширению международной торговли, инвестиций и финансовых связей Китай может получить новые рычаги геополитического и стратегического влияния.

Вывод: Подводя итог вышесказанному можно определить ключевые направления в современной внешней политике КНР:

- Во внешней политике КНР просматривается тенденция дальнейшего уменьшения роли и влияния традиционных принципов «большого развивающегося государства» и усиление глобальных элементов «великой державы». Однако вряд ли можно говорить о полном и быстром преобразовании КНР в сверхдержаву. В грядущее пятилетие речь пойдет о

сочетании разных элементов политики. В одних случаях китайская дипломатия будет продолжать использовать инструменты и терминологию «крупного развивающегося государства», в других будет действовать с позиций «большой региональной державы», а в отдельных – как глобальная держава. Подобная вариативность, скорее всего, будет наблюдаться достаточно долго, то есть и в среднесрочной перспективе [Криворотов А.К. 2015. С. 136–137].

- В ближайшие годы не исключено усиление политики нейтрализации Китаем попыток навязывания ему политико–идеологических (либеральных) проектов (в форме «цветных», «жасминовых» или иных революций). Будущий руководитель КНР – Си Цзиньпин уже сегодня делает ряд достаточно жестких заявлений, которые свидетельствуют о его бескомпромиссной позиции по этому вопросу. Так, в феврале 2009 г. в ходе своего зарубежного визита в Латинскую Америку Си Цзиньпин сказал: «Во–первых, Китай не экспортирует революцию, во–вторых, не экспортирует голод и нищету, в–третьих, не тревожит вас, о чем тут можно еще говорить» [Выступление Си Цзиньпина в странах Латинской Америки 2009, режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/david-gosset/the-european-union-and-ch_b_8308746.html (дата обращения: 12.12.2016)].

- Доминантой для нового китайского руководства останется необходимость сохранения стабильности как внутри страны, так и за ее пределами, что является условием дальнейшего реформирования и развития КНР.

- Скорость формирования «глобальной ответственности Китая» будет напрямую зависеть от скорости «возвышения» самого Китая в мире. В любом случае это будет достаточно длительный и сложный процесс, который может быть полностью реализован только в долгосрочной перспективе. В грядущее пятилетие речь скорее пойдет о поддержке Китаем одного из вариантов реализации «коллективной глобальной ответственности» через усиление роли БРИКС, ШОС, реформу СБ ООН и других институтов [Хуеюн W. 2014, Р. 134].

- Идея создания «гармоничного мира», скорее всего, сохранится во внешнеполитическом инструментарии новых руководителей. Более дифференцированным будет подход Китая к тем или иным странам в рамках сложившихся моделей партнерства. Очевидно, что высокий политический формат российско–китайского стратегического партнерства полностью сохранится. Не исключены новые витки напряженности в отношениях КНР с Японией, США, отдельными странами АСЕАН, особенно по вопросам территориального размежевания в Южно–Китайском море. На данном региональном направлении (КНР – Восточная Азия) Китай будет иметь наиболее серьезные вызовы, связанные с нерешенностью проблемы Корейского полуострова, тайваньского вопроса, сохранением односторонней американской системы региональной безопасности, а также видами США на интернационализацию территориальных конфликтов в Южно–Китайском море (китайско–японского, китайско–вьетнамского и др.) [Xuejun W. 2014, P.255].

1.2. Геополитическое положение КНР и стран ЕС

В данном параграфе будет рассмотрено геополитическое положение КНР и стран Европейского союза, так как для понимания происходящих политических процессов и отношений между странами необходимо оценить их роли в современном мире и места, которые они занимают в современном мировом сообществе. Китай является самой перспективной страной для вложения инвестиций и для привлечения новых политических и торговых партнеров. В условиях всемирной глобализации, сотрудничество стран предполагает собой взаимодействие государств с целью налаживания отношений, решения глобальных проблем и сотрудничеству в вопросах по борьбе с терроризмом.

Геополитика – это одно из направлений в политике, зародившееся в Германии в конце XIX в. Основное внимание в нем обращается на проблему

обусловленности внешней политики страны ее географическим положением и окружающей средой. Важность изучения геополитики нельзя недооценивать. На современном этапе международных отношений стоит учитывать не только то, как развивается государство, но и то, какие особенности присущи именно той местности, где находится государство, его культурным традициям и другим факторам присущим геополитическому обозначению страны [Институт Философии Российской Академии Наук режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0415.html> (дата обращения 14.02.2017)].

Китайская Народная Республика — одно из важнейших государств современного мира. Китай занимает территорию 9,6 млн. квадратных километров и является самой многонаселенной страной мира, в которой в начале XXI в. проживает более 1 млрд. 500 млн. человек. Около трети населения проживает в городах, 5 автономных районов и 3 города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь). Столица — Пекин.

Китайская народная республика осуществляет административный контроль над 22 провинциями (省); при этом правительство КНР считает Тайвань своей 23-й провинцией. Кроме этого, в КНР также входят 5 автономных районов (自治区), где проживают национальные меньшинства Китая; 4 муниципальных образования (直辖市), соответствующих городам центрального подчинения, и 2 специальных административных района (特别行政区). 22 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения объединяются термином «континентальный Китай», куда обычно не входят Гонконг, Макао и Тайвань.

Государственный строй основан на конституции КНР, согласно которой «Китайская Народная Республика есть социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом (через Коммунистическую партию Китая) и основанное на союзе рабочих и крестьян. В стране установлен социалистический строй. Вся власть принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания

народных представителей различных ступеней» [Конституция КНР. Глава 1. С 10].

Коммунистическая партия Китая – крупнейшая партия КНР – ведущая и правящая политическая партия Китайской Народной Республики. Государственный совет Китайской Народной Республики (Госсовет КНР, Центральное народное правительство) — высший государственный исполнительный орган КНР. Госсовет проводит в жизнь законы и постановления, разработанные и принятые Всекитайским собранием народных представителей (далее — ВСНП) и его Постоянным комитетом, он ответствен перед ними и подотчетен им. Госсовет в сфере своих полномочий определяет административные мероприятия, формулирует административно–правовые акты, издаёт постановления и распоряжения.

В состав Госсовета входят:

- Премьер.
- Вице–премьеры.
- Члены Госсовета.
- Начальник секретариата.
- Руководители министерств и ведомств.
- Председатели госкомитетов.
- Председатель Народного банка Китая.
- Начальник Государственного ревизионного управления.

После смерти Мао Цзэдуна (1976) в стране с 1978 проводится курс на модернизацию экономической и политической жизни с целью превращения Китая к середине XXI века в высокоразвитую державу. Была расширена хозяйственная самостоятельность предприятий, допущена многоукладность в экономике, с целью привлечения иностранного капитала в Китае образованы «открытые экономические районы» и «специальные экономические зоны». В 1997 по договору с Великобританией, заключённому в 1989, осуществлена передача Сянгана (Гонконга) Китаю, который получил статус специального административного района. Руководство КНР с самого начала реформ подчинило внешнюю политику своей страны задачам экономического роста. Сохраняет полную независимость и самостоятельность во внешних делах,

дистанцируясь от союзов и блоков, в КНР была популярна идея «многополярного мира», Китай в нем будет одним из полюсов.

В геополитических идеях Китая всегда отмечалась необходимость мирного сосуществования с приграничными странами. Западная геополитика исходила из вероятности того, что соседи могут стать врагами. Это связано с философией Запада, в отношениях между людьми выделяющей конкуренцию и соперничество, в международных отношениях — политику с позиции силы, а в геополитике — сохранение баланса сил. В Китае считается, что если приграничные страны «не тревожат» Китай, то их можно рассматривать как не представляющие прямой угрозы Китаю. Возможно, это связано с тем, что Китай на протяжении тысячелетий был единственной великой державой этого региона и в философском плане испытывал довольно глубокое влияние «идей гуманизма» и «золотой середины» Конфуция. В политической практике Запада и Китая геополитические идеи приводили к еще большим различиям [Занегин Б.Н. 2009. №4, с. 53–66].

Еще одной особенностью геополитической мысли Китая является то, что она включает в себя дипломатическую и военную геостратегию. «Дипломатическая геостратегия – это стратегия, вырабатываемая на основе соотношения сил в ходе политической борьбы с ближними государствами; это генеральное направление действий государства в определенный период времени проводящее политику объединения с друзьями для борьбы со своими врагами; это основной замысел, последовательно осуществляемый в ходе внешней деятельности государства, в котором предусмотрено распределение сил и определены стратегические приоритеты. Среди известных геостратегий можно назвать такие как «установить временный союз с отдаленным государством для разгрома ближнего врага», «объединение по горизонтали и вертикали».

Китайская школа геополитики сформировалась на своих собственных исторических, культурных и философских корнях. Она не является продолжением западной геополитической мысли. Усиление роли

развивающихся стран в мировой геополитике, по мнению китайских ученых, приведет к исчезновению многих западных геополитических концепций, таких как: политика с позиции силы, гегемонизм, доминирование великих держав, приоритет демократии и Запада, политический дуализм и др. Главное место в мировой политике займут новые концепции, такие, например, как китайская «концепция мирного развития и сотрудничества», что облегчит Китаю создание мирной обстановки, “гармоничного мира” и “гармоничного соседства.” [Edwin O.R. 2009, p.21].

Главную роль в этой геополитической линии играет Россия, которая сохранила сильное влияние на бывшие республики Советского Союза. В Китае Россия рассматривается как региональная держава, представляющая «тыл» китайской геополитики. Россия считается страной, которая нанесла Китаю самый значительный геополитический ущерб. «Трехсотлетнее геополитическое противостояние между Россией и Китаем» завершилось лишь 14 октября 2008 года, когда на острове Большой Уссурийский была проведена церемония установки последнего столба на российско–китайской границе, что знаменовало завершение ее демаркации. Вот так, ни больше, ни меньше, оценивают наши отношения китайские коллеги–геополитики.

Юго–западная геополитическая линия включает в себя Индию, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал и Бангладеш. Большая часть границы Китая со странами Южной Азии проходит по краю цинхай – тибетского плато и непрерывной цепи Гималайских гор, образующих «огромный географический барьер». После событий «11 сентября» здесь также пролегает передовая линия борьбы с международным терроризмом. На этой линии главной страной является Индия. Китай добился от Индии, пожалуй, главного – признание Тибета частью территории Китая, в ответ на признание Китаем Сиккима частью территории Индии. После этих договоренностей начала «нулевых» стало возможным ускоренное развитие двухсторонних отношений, проведение совместных антитеррористических маневров,

вступление в период «стратегических» взаимоотношений [Цзя Цинго. 2015. №6. С 43].

Геополитическая линия Восток–Юг включает в себя КНДР, Республику Корея, Японию, 10 стран АСЕАН, а Также Австралию, Новую Зеландию и другие страны юго–западной части Тихого океана. Эта линия представляет собой 6475 км. сухопутной и более 18 тыс. км. морской границы Китая. Эта морская геополитическая линия Китая, на которой США создали систему из трех линий опорных островов. США и Япония оказывают огромное влияние на обстановку в районе этой геополитической линии. На этой линии сейчас формируются основные угрозы национальной безопасности Китая. Как и в 1840 году опасность для Китая приходит со стороны моря, поэтому морская геостратегия страны становится главной.

Европа рассматривает Китай как глобальный вызов существующему мировому порядку. Китайская альтернативная модель развития для развивающихся стран может «затмить» западную модель, основанную на либеральной демократии и рыночной экономике. По мнению европейцев, глобальное влияние Китая становится все менее благоприятным. По опросам БиБиСи (март 2011), 64% французов, 62% немцев, 48% англичан, 57% испанцев, 56% итальянцев, высказали негативное отношение к Китаю, что на 5% больше, чем в 2005г. Все эти препятствия, считают китайские ученые, не являются стратегическими и не затрагивают проблем безопасности, а касаются главным образом вопросов идеологии и когнитивности [Трехолт А. 2012, с. 100–155].

Геополитика Китая в XXI веке перешагнула свои национальные границы и активной экономической деятельностью стала влиять на перераспределение сфер влияния мировых центров силы (США, Европа) в свою пользу, вытесняя их из многих регионов, где они до недавнего времени доминировали (приложение 5). В связи с этим не только ученым, но и политическим элитам других стран просто полезно знать и учитывать в своих внешнеполитических планах представления Китая о мировой

геополитической архитектонике, месте своей страны в иерархии интересов второй державы мира. Китайский исследователь пространственных взаимоотношений государств, главный редактор журнала «Contemporary International Relations» Китайской академии современных международных отношений Лю Липин, например, приходит к выводу, что в современном мире существуют четыре типа государств — сверхдержавы, сильные, средние и слабые.

В ЕС входят государства–члены – 28 стран и их граждане: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония. Уникальная особенность ЕС состоит в том, что, хотя все они являются суверенными, независимыми странами, они объединили части своего «суверенитета». Объединение суверенитета на практике означает, что государства–члены делегируют часть своих полномочий по принятию решений в совместно созданные ими институты, с тем чтобы решения по конкретным вопросам, представляющим общий интерес, могли быть демократическими на европейском уровне. Таким образом, ЕС находится между полностью федеральной системой, как в Соединенных Штатах, и свободной, межправительственной системой сотрудничества, наблюдаемой в Организации Объединенных Наций [European Union Treaties. режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html(дата обращения 13.03.2017)].

ЕС добился значительных успехов с момента своего создания в 1950 году. Союз создал единый рынок товаров и услуг, охватывающий 28 стран, в которых более 500 миллионов граждан могут свободно передвигаться и поселиться там, где они пожелают. Это создало единую валюту – евро – теперь основную валюту Союза, что делает единый рынок более эффективным. ЕС также является крупнейшим поставщиком программ

развития и гуманитарной помощи в мире. Это лишь некоторые из достижений. Забегая вперед, ЕС работает, чтобы вывести Европу из нынешнего экономического кризиса. Коалиция занимает лидирующие позиции по вкладу в борьбу с изменением климата и его последствиями; Поскольку он планирует продолжать расти, это помогает соседним странам подготовиться к членству с ЕС; И выстраивает единую внешнюю политику, которая делает многое для расширения европейских ценностей во всем мире. Успех этих амбиций зависит от способности принимать эффективные и своевременные решения и хорошо их реализовывать.

Европейский союз основан на верховенстве права. Это означает, что каждое действие, предпринимаемое ЕС, основано на договорах, которые были одобрены добровольно и демократично всеми странами ЕС. Договоры согласованы и согласованы всеми государствами–членами ЕС, а затем ратифицированы их парламентами или референдумом. В договорах излагаются цели Европейского Союза, правила для институтов ЕС, порядок принятия решений и взаимоотношения между ЕС и его государствами–членами. Они изменяются каждый раз, когда к ним присоединились новые государства–члены. Время от времени они также изменяются для реформирования институтов Европейского Союза и придания ему новых сфер ответственности. Договор о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе является межправительственным договором, который был подписан всеми государствами–членами ЕС, кроме Чешской Республики и Великобритании, в марте 2012 года и вступил в силу 1 января 2013 года во всех государствах–членах, которые Завершил процесс ратификации [European Union Treaties. режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html(дата обращения 13.03.2017)]. Это не договор ЕС, а межправительственный договор и намерение в конечном итоге привести его в закон ЕС. Он предназначен для укрепления бюджетной дисциплины, укрепления координации экономической политики и улучшения управления в

зоне евро. В настоящее время 17 стран ЕС используют евро в качестве основной валюты.

Принятие решений на уровне ЕС включает в себя различные европейские институты, в частности:

- Европейский парламент, представляющий граждан ЕС и непосредственно избранный ими.
- Европейский совет, состоящий из глав государств или правительств государств–членов ЕС.
- Совет, представляющий правительства государств–членов ЕС.

Европейская комиссия, представляющая интересы ЕС в целом. Европейский совет определяет общее политическое направление и приоритеты ЕС, но не выполняет законодательные функции. Как правило, Европейская комиссия предлагает новые законы, и это Европейский парламент и Совет, которые их принимают. Государства–члены и Комиссия затем осуществляют их.

- Директива – это закон, который обязывает государства–члены или группу государств–членов добиваться конкретной цели. Как правило, директивы должны быть включены в национальное законодательство для вступления в силу. Важно, что директива определяет результат, который должен быть достигнут: государства–члены должны решать, как это делается.
- Решение может быть адресовано государствам–членам, группам людей или даже отдельным лицам. Он является обязательным в полном объеме. Решения используются, например, для принятия решения о предлагаемых слияниях компаний.
- Рекомендации не имеют юридической силы и не обязательны к выполнению.

Процедура принятия решений в союзе состоит из нескольких этапов (приложение 1). Процедура начинается с Комиссии. При рассмотрении предложения о принятии мер Комиссия часто предлагает мнения по этой теме от правительств, деловых кругов, организаций гражданского общества и частных лиц. Мнения, собранные в рамках предложения Комиссии,

представляются Совету и Парламенту. Это предложение может быть сделано по приглашению Совета, Европейского Совета, Парламента или граждан Европы, или это могло быть сделано по собственной инициативе Комиссии. Совет и парламент читают и обсуждают это предложение. Если во втором чтении не будет достигнуто согласия, это предложение будет представлено в «согласительном комитете», состоящем из равного числа представителей Совета и парламента. Представители Комиссии также участвуют в заседаниях комитета и вносят свой вклад в дискуссии. После того, как комитет достиг соглашения, согласованный текст затем направляется в парламент и Совет для третьего чтения, чтобы он мог, наконец, быть принят в качестве закона. В большинстве случаев парламент голосует по предложениям простого большинства и Совета квалифицированным большинством голосов, при котором каждое государство-член имеет определенное число голосов в соответствии с его численностью и численностью населения. В некоторых случаях в Совете необходимо единогласное голосование [EU Parliament and government structure. режим доступа: http://www.gr2014parliament.eu/Portals/6/PDFFILES/NA0113090ENC_002.pdf (дата обращения 15.02.2017)].

Отношения со странами за пределами ЕС находятся в ведении Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, который назначается Европейским советом, а также занимает пост вице-президента Европейской комиссии. На уровне глав государств и правительств Союз представлен Президентом Европейского Совета. Европейская служба внешних действий служит министерством иностранных дел и дипломатической службой Союза под руководством Высокого представителя. Он состоит из экспертов, переведенных из Совета, государств-членов и Европейской комиссии. Совет разрабатывает и принимает решения в области внешней политики и политики безопасности ЕС на основе руководящих принципов, установленных Европейским советом. С другой стороны, Комиссия несет ответственность за торговлю и финансирование для стран, не

входящих в ЕС, таких как гуманитарная помощь или помощь в целях развития. Комиссия также представляет Союз во всех областях компетенции ЕС за пределами внешней политики и политики безопасности [EU Parliament and government structure. режим доступа:http://www.gr2014parliament.eu/Portals/6/PDFFILES/NA0113090ENC_002.pdf (дата обращения 15.02.2017)].

Общая политика ЕС в области внешней политики и безопасности (CFSP) была создана в 1993 году и с тех пор укреплена последующими Договорами сегодня. Парламент тщательно изучает CFSP и вносит свой вклад в ее развитие, в частности, поддерживая Европейскую службу внешних действий (EEAS). Несмотря на свою ограниченную официальную роль в принятии решений в области внешней политики, парламент поддержал концепцию CFSP с момента ее создания и стремился расширить сферу ее применения. Учитывая международные вызовы, возникшие в последнее десятилетие, парламент неоднократно выступал за создание должности министра иностранных дел ЕС и «европейской дипломатической службы». На практике парламент достиг определенного уровня неформального сотрудничества с EEAS, председательством ЕС, Секретариатом Совета и Комиссией в сфере иностранных дел, а также с национальными парламентами государств-членов. Парламент регулярно изучает деятельность EEAS и предоставляет ей предложения по структурным вопросам, начиная от географического и гендерного баланса и заканчивая его взаимодействием с другими институтами ЕС и дипломатическими службами государств-членов. Парламент также проводит регулярные обсуждения с Высоким представителем и специальными представителями ЕС, назначенными для определенных регионов или вопросов. Парламентские комитеты, которые помогли создать EEAS, также обмениваются мнениями с недавно назначенными главами делегаций EEAS [EU foreign policy. режим доступа:http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html (дата обращения: 24.01.2017)].

Вместе с государствами–членами, национальными парламентами, экспертами и широкой общественностью Европейский парламент участвует в процессе консультаций по Глобальной стратегии. ЕР организовал заседания комитета AFET и экспертное слушание, посвященное Глобальной стратегии, и принял резолюцию «ЕС в меняющейся глобальной среде – более связанном, оспариваемом и сложном мире», в котором выражены пожелания парламента в отношении будущего направления внешней политики ЕС. 28 июня 2016 года Верховный представитель Федеративной Республики Германии Федерике Мохерини представил Европейскому совету Глобальную стратегию в области внешней политики и политики безопасности Европейского союза. Придавая особое значение безопасности, ее стремлению к стратегической автономии и ее принципиальному, но прагматичному подходу к окружающей среде в Европе, Глобальная стратегия ЕС означает важное изменение философии из Европейской стратегии безопасности 2003 года. Глобальная стратегия ЕС определяет пять приоритетов внешней политики ЕС:

1. Безопасность Союза.
2. Устойчивость государства и общества к Востоку и Югу.
3. Комплексный подход к конфликтам.
4. Кооперативные региональные заказы.
5. Глобальное управление в XXI веке.

Для реализации новой стратегии ЕС пересмотрит существующие секторальные стратегии, разработает и внедрит новые тематические или географические стратегии в соответствии с приоритетами EUGS. Среди них будет секторальная стратегия, определяющая гражданско–военный уровень гражданской амбиции ЕС, задачи, требования и приоритеты возможностей. EUGS приветствовался главами государств и правительств европейских стран, в результате чего дальнейшее обсуждение этого документа было поручено Высокому представителю, Комиссии и Совету. Это началось с обсуждения на Совете по иностранным делам от 18 июля 2016 года, где министры выразили готовность продолжить работу на этапе осуществления.

Для обеспечения надежного контроля за реализацией глобальной стратегии будет ежегодно проводиться обзор в консультации с Советом, Комиссией и Европейским парламентом [EU foreign policy. режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html(дата обращения: 24.01.2017)].

Вывод: Геополитическое положение КНР и Евросоюза в дальнейшем может способствовать развитию отношений этих двух блоков. Несмотря на некоторые различия, ЕС и Китай могут стать мостом для пересечения Европейской и Азиатской цивилизаций, что приведет к укреплению не только взаимоотношений, но и повлияет на картину мира в целом. Однако не стоит забывать о том, что налаживая отношения с Европейским Союзом, выстраивая концепцию отношений «16+1», КНР ставит под удар взаимоотношения с Россией, которой, в свою очередь не остается ничего, кроме как принять холодный прагматизм китайского внешнеполитического курса [The Diplomat. режим доступа: <http://thediplomat.com/2017/05/chinas-geopolitical-aims-the-curious-case-of-the-16-plus-1/>(дата обращения 12.05.2017)].

1.3. Нормативно–правовые основы взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС

Дипломатия Китая стала глобальной. За последние сорок лет Китай прошел путь от страны, изолированной от международного сообщества, к стране, полностью интегрированной в нее. Сегодня Китайская Народная Республика имеет дипломатические отношения с 175 странами, является членом более 150 международных организаций и является участником более трехсот многосторонних договоров.

Основой китайско–европейский отношений на современном этапе можно без колебаний назвать инициативу «Один пояс – один путь», так как она предполагает более тесное сотрудничество во всех сферах деятельности,

начиная от экономической и заканчивая культурной. Стоит отметить, что инициатива по созданию «Шелкового пути» была выдвинута с учетом принципа дополнения экономик обоих блоков, культурных и инфраструктурных особенностей.

В каждой стране Европы осведомленность ОПОП среди широкой общественности в лучшем случае, ограничена. Поэтому трудно сказать, являются ли общественные взгляды на инициативу Китая позитивными или негативными. Главные целевые аудитории китайских дипломатических усилий, будут принимать решения в политических и деловых кругах. В целом мнения политиков на уровне центральных правительств по всей Европе, разнообразны. Опрос авторов отчета по официальным отношениям показал, что результаты варьируются от «скорее негативного» до «приветствующего», при этом большинство правительств считают «нейтральным» или «скорее позитивным». Большинство авторов считают, что их национальное правительство рассматривает ОПОП как «незначительную» или «умеренную» релевантность. Эта последняя оценка отражается в реактивном ответе или даже его отсутствии для ОПОП многими европейскими национальными правительствами. В некоторых случаях, например, в Германии, интерес к ОПОП в центральном правительстве, по-видимому, снижается, возможно, потому что политики разочарованы ограничением проявления китайской инициативы. Хотя многие правительства могут по-прежнему проявлять осторожность в отношении ОПОП, у них мало стимулов для инициативы. В этой связи следует учитывать, что мнения внутри правительства, то есть между соответствующими министерствами, также могут быть различными [‘Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st–Century Maritime Silk Road’, March 2015 режим доступа: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html. (дата обращения: 12.12.2016)].

До сих пор наиболее последовательные ответные меры в отношении ОПОП европейскими правительствами, особенно в Западной Европе,

предпринимал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), хотя этот банк формально не является учреждением ОПОП. Примерами относительно активного подхода к самому ОПОП являются две совместные публикации Британского министерства иностранных дел и по делам Содружества и Китайско-британского делового совета, которые помогают британским компаниям выявлять новые возможности для бизнеса, связанные с ОПОП. Независимо от позиции своего правительства, различные европейские компании энергично откликнулись на захват новых возможностей, которые приходят с ОПОП. Это относится, например, к поставщикам логистических услуг в таких странах, как Польша, Германия и Нидерланды, которые имеют прямые железнодорожные связи с Китаем. В некоторых случаях мероприятия, связанные с ОПОП, сталкиваются с политическими препятствиями. В Греции, например, процесс приватизации, который в конечном итоге привел к приобретению COSCO Управления порта Пирей, застопорился более чем через год после того, как партия левого крыла "SYRIZA" выиграла национальные выборы в Греции в начале 2015 года. Во многих рассматриваемых странах местные органы власти также стремились взять на себя инициативу и извлечь выгоду из того, что воспринимается как возможность привлечения китайских инвестиций, стимулирование регионального экономического развития и развития связанного с торговой инфраструктурой. В то время как ОПОП не был выбран на уровне национального дискурса в таких странах, как Германия или Франция, местные и региональные власти в Дуйсбурге, Гамбурге или Лионе (Рона-Альпы) проявили инициативу [Djankov S. 2016, p. 211–265].

В других странах, которые открыто приветствовали ОПОП, таких как Испания или Польша, местные правительства, такие как Сарагоса, Валенсия или Лодзь, также взяли на себя инициативу (приложение 4).

Говоря о нормативно-правовых основах взаимоотношений КНР и стран ЕС, следует рассматривать каждую страну Европейского Союза в отдельности, так как в данном политическом блоке каждая страна имеет свою

собственную, независимую политику. Так, например, **Чешская Республика** в последние годы лишь наращивает свой внешнеполитический потенциал, оставаясь одной из ведущих стран в инициативе «Один пояс – один путь». Открытие в конце 2015 года Института нового Шелкового пути в Праге дополняет существующие институциональные рамки чешско–китайского диалога. Институт является неправительственной организацией, которая существует параллельно с ранее созданным Китайским инвестиционным форумом (запущенным в 2013 году), который более непосредственно связан с повесткой дня ЦВЕ 16 + 1. Первая официальная сессия Института в конце 2015 года была начата в сенате парламента Чешской Республики под председательством бывшего министра иностранных дел Яна Кохоута и адресована премьер–министром Богуславом Сobotкой. Миссия Института заключается в содействии евро–азиатскому сотрудничеству, а также в изучении и распространении информации об инициативе ОПОП. К настоящему времени Институт организовал два семинара и принял участие в нескольких встречах с региональными партнерами в КНР: в Сычуани (зона развития промышленного развития Мяньяна); И Гуйчжоу. Председателем Института является бывший министр иностранных дел Чехии – Ян Кохоут, а членами консультативного совета являются бывший премьер–министр Петр Нечас, а Также несколько депутатов парламента и бизнесмены [New Silk Road Institute Prague (NSRIP), режим доступа: <http://nsrip.org/en/>.(дата обращения: 12.12.2016)].

Потрясающий общий прогресс в двусторонних отношениях завершился объявлением стратегического партнерства между двумя странами во время первого визита китайского президента в Прагу в марте 2016 года.

С 2008 года **Дания** – единственная скандинавская страна, которая получила всеобъемлющее стратегическое партнерство (ВСП) с КНР, а Дания и Китай подписали новое соглашение о партнерстве во время запланированного визита премьер–министра Дании Ларса Локке Расмуссена в Пекин в декабре 2016 года. Появляются признаки появления интереса к

Китаю у датского делового общества, поскольку Датско–китайский бизнес–форум недавно поставил проект на повестку дня. Maersk – датский судоходный гигант, сделал публичное заявление в ноябре 2015 года, что он надеется на сотрудничество с китайскими фирмами в ОПОП. Maersk создало совместное предприятие с портовой группой Qingdao для строительства многоцелевого терминала в порту Циндао, так как новый район порта Дунцзяо города Циндао станет национальным центром для китайских насыпных и энергетических грузов. Maersk также подписала меморандум о взаимопонимании с портовой группой Циндао для совместного инвестирования в новый порт в порту Вадо–Лигуре, Италия, который планируется открыть в 2018 году. Кроме того, в сентябре 2015 года датский МИД опубликовал официальный отчет, предоставляющий сведения об экономическом потенциале датского делового сообщества после участия Дании в АБИИ [Hannestad A. 2016, p.100–123]. В докладе также подчеркивается важность, придаваемая датским правительством международным стандартам прозрачности и устойчивости в отношении конкретных инвестиционных проектов АБИИ.

В конце апреля 2016 года **французский** город Лион приветствовал первую доставку грузов из китайского города Ухань, отметив открытие железнодорожной линии протяженностью 11 300 километров или 16 дней, которая строится на магистральной линии, открытой в 2012 между Дуйсбургом в Германии и китайской столицей Чунцин. Ухань Азия–Европа Логистика (филиал COSCO) обозначена как единственный оператор в этой конкретной отрасли, а роль французских партнеров, в частности железнодорожной компании SNCF, минимальна [Alice Ekman 2016, P.34]. В конечном счете, проект может иметь чистую выгоду для мира и стабильности в Евразии, например, в Афганистане и Иране. Фабий также выразил мнение, что инициатива по B&R должна стать платформой для франко–китайского сотрудничества на третьих рынках, например в Африке (совместная декларация о «трехстороннем» сотрудничестве между Францией, Китаем и

Африкой также была подписана в июне 2015 года), кроме того К транспортному средству для развития «дорог зеленого роста».

В марте 2016 года государственная железнодорожная компания **Германии** – Deutsche Bahn (DB) И China Railways подписали меморандум о взаимопонимании по дальнейшему развитию «евразийского сухопутного моста». В мае 2016 года немецкий логистический гигант DHL подписал меморандум о взаимопонимании с городом Чэнду об улучшении железнодорожных перевозок между Чэнду и Европой [DHL Group (2015), ‘Auf Schienen über die Seidenstraße The Silk Road on Rails’, режим доступа: https://www.dpdhl.com/content/dam/dpdhl/ueber_uns/postforum/postforum-sep-2015.pdf.(дата обращения: 14.12.2016)].

Что касается деятельности Китая по продвижению BRI в Центральной Азии, правительство Германии использовало свое председательство в ОБСЕ, чтобы начать дискуссии среди членов ОБСЕ о налаживании связей Евразии с BRI. В частности, в министерстве иностранных дел состоялась бизнес-конференция ОБСЕ по вопросам инициативы в Берлине с 18 по 19 мая 2016 года. Принимая у себя председательство в «Большой двадцатке» из Китая в 2017 году, Берлин также заинтересован в том, чтобы согласовать основные элементы стратегии BRI Китая с германской политикой развития путем запуска «Китайско-германского сотрудничества G20 для инвестиций в устойчивую инфраструктуру» [CFIE (2016), The Belt and Road Industrial and Commercial/Alliance.режим доступа:<http://www.cfie.org.cn/2710757099819/2726451123930/15923/2883704102710.html>.(дата обращения: 15.12.2016)]. Несмотря на довольно осторожную позицию немецкой промышленности в отношении BRI, некоторые немецкие предприятия с долями в евразийской торговле активно участвуют в продвижении деятельности, связанной с BRI [Jiang S. 2015, P.145]. Например, инициатива «Предпринимательская инициатива стран Шелкового пути» инициировала ежегодную премию Zukunftspreis Mittelstand Neue Seidenstraße (Futures Futures Award для малых и средних предприятий), направленную на повышение осведомленности о

потенциале Шелкового пути для малых и средних предприятий Германии (МСП) , Однако, в отличие от ограниченных возможностей BRI в отношении конкретных проектов в Германии на сегодняшний день, похоже, что эти мероприятия также сделали очень мало для повышения осведомленности о BRI среди МСП в Германии.

В настоящее время **Греция** является одним из немногих крупномасштабных проектов в Европе, которые четко распознаются в рамках ОПОП: инвестиции China Securities Company (COSCO) в порт Пирей в размере 4,3 млрд. Долларов США, направленные на продвижение китайских товаров в Юго–Восточной и Центральной Европе. Значение, придаваемое инвестициями в Пирей китайскими официальными лицами в рамках Шелкового пути на море и как ворота в Юго–Восточную и Центральную Европу, не было секретом, особенно после расширения мощностей Суэцкого канала в августе 2015 года. Вскоре после этого, в декабре 2015 года, COSCO объединилась с China Shipping Group, в результате чего новая компания получила официальное название China COSCO Shipping (но часто упоминается как COSCO), что дало ей дополнительный импульс. Второе соглашение, которое было подписано 8 апреля 2016 года, еще более укрепило присутствие Китая в Греции [van der Putten F.P.2016, p. 215-265].

Совершенно очевидно, что присутствие COSCO в Пирее является неотъемлемой частью амбициозного плана, направленного на продвижение китайских товаров в Юго–Восточной и Центральной Европе и, следовательно, также рассматривается ряд побочных проектов. Таким образом, появилось множество сообщений о заинтересованности COSCO в разработке и эксплуатации нового логистического центра в Триазии к западу от Пирея. Запланирован участок площадью 0,6 кв.км., но крайний срок подачи обязательных предложений неоднократно откладывался. Однако COSCO стремится не только сделать Пирей самым крупным торговым портом в Средиземноморье, но и крупнейшим судоремонтным пунктом в восточном Средиземноморье и одним из самых важных узлов круизного

туризма в мире. В то же время другая схема приватизации, возникающая в Греции, вполне может быть связана с стратегией ОПОП Китая, а именно с Управлением порта Тессалоники (ТНРА) на севере Греции, которая также предназначена для захватов. Сообщается, что международная группа Shanghai Ports International заинтересована в участии в текущем открытом тендере на 67 процентов акций ТНРА [van der Putten F.P. 2016, p.134-342].

Деловое сообщество **Италии**, особенно некоторые крупные компании, находятся на переднем плане продвижения OBOR в Италии. Покупка Китаем компании Pirelli привела к тому, что экономика Италии стала зависимой от КНР [COSCO Shipping Ports (2016), 'COSCO Pacific Limited Entered into a Share Sale and Purchase Agreement with Hutchison Port Holdings Limited for the Acquisition of Equity Interest in Euromax Terminal Rotterdam', 13 May, режим доступа:[http://www.coscopac.com.hk/en/news.php?](http://www.coscopac.com.hk/en/news.php?action=content&class_id=6&id=385)

[action=content&class_id=6&id=385](http://www.coscopac.com.hk/en/news.php?action=content&class_id=6&id=385).(дата обращения: 20.12.2016)]. Порт Джойа Тауро на юге Италии также получил интерес от китайских инвесторов, прежде чем они решили переключить свое внимание на греческий порт Пирей. Благодаря пятипортовому союзу в северном Адриатическом море Италия, таким образом, надеется вернуть часть Трафик, потерянный в греческом порту.

Сегодняшнее партнерство КНР и **Португалии** также отражает ценность пятисотлетнего взаимодействия, в частности успешного переговорного процесса, который последовал за установлением дипломатических отношений в 1979 году, что привело к передаче бывшего португальского урегулирования в Макао в 1999 году, а также к созданию глобального стратегического Партнерства между двумя странами в 2005 году. Китай рассматривает свои отношения с Португалией как образец передовой практики в международной политике. ОПОП, как установлено официальным китайским дискурсом, появляется как возможность поднять глобальное стратегическое партнерство между Португалией и Китаем Новый уровень сотрудничества, тем самым расширяя, диверсифицируя и квалифицируя

двусторонние торговые, инвестиционные и культурные отношения. Благоприятная политическая, историческая и экономическая обстановка подкрепляла значительное укрепление двусторонних отношений между Португалией и КНР в последние десятилетия. Это можно проиллюстрировать значительным ростом торговли (приложение 7) – с 2006 по 2015 год экспорт и импорт из КНР португальского экспорта ежегодно возрастал в среднем на 14,7% и 8,7%, а также в вывозе прямых иностранных инвестиций. В феврале 2016 года правительство Португалии разрешило китайской авиакомпании Hainan Airlines, частной авиатранспортной компании Хайкоу, стать акционером TAP Portugal, национального авиаперевозчика, который был недавно приватизирован.

С точки зрения общей перспективы совокупная стоимость вывоза китайских ПИИ в Португалию в период между 2000 и 2015 годами составляет 5 527 млн. Евро, что является выдающимся достижением для небольшой южно-европейской страны, например Португалии, которая стала пятым предпочтительным местом вывоза китайских ПИИ в Европейский Союз, за Германией, Великобританией, Францией и Италией.

Соответственно, китайские власти рассматривают ОПОП как возможность улучшить общую позитивную реляционную структуру, чтобы приспособить новые условия, например участие Португалии в качестве одного из основателей АБИИ или роль, которую Португалия должна играть в продвижении интересов Китая в португалоязычных странах Африки и Южной Америки. Однако в Португалии до сих пор не было сделано никаких инвестиций, связанных с ОПОП. Возможности и укрепление отношений между двумя портами или встречи между Управлением порта Сины и представителями Банка развития Китая. Кроме того, государственный секретарь Португалии по вопросам интернационализации Хорхе Коста Оливейра подтвердил заинтересованность порта Нинбо Чжоушань в порту Синеш во время визита в Китай в июне 2016 года [Pillsbury M. 2015, P. 431].

Хотя многие из потенциальных преимуществ ОПОП остаются теоретическими для **Испании**, в настоящее время идет уже один конкретный проект: железнодорожное сообщение между Иу и Мадридом, известное как Yixinou, самое длинное в мире железнодорожное сообщение. Кстати, этот новый маршрут имеет потенциал для существенного увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции из Испании в Китай. После выезда из Испании эта железная дорога проходит через шесть стран перед въездом в Китай (Франция, Германия, Польша, Белоруссия, Россия и Казахстан) и останавливается в европейских железнодорожных узлах, таких как Дуйсбург. Этот важный проект ОПОП – Yixinou – можно рассматривать как последний этап Нового Евразийского сухопутного моста. Первая пробная поездка между Иу и Мадридом была проведена в декабре 2014 года, и тот же поезд вернулся в Иу позже, чем ожидалось, в феврале 2015 года. С момента своего инаугурационного полета в декабре 2014 года его частота увеличилась до одной еженедельной поездки из Китая, хотя только Одиннадцать поездов завершили обратный путь из Мадрида в Иу, подчеркнув нынешние асимметрии в двусторонней торговле [La Vanguardia 2016, P. 123].

Кроме того, к концу 2016 года порт Валенсия выпустит публичный тендер на сумму около 500 миллионов евро для строительства четвертого терминала. Дирекция порта Валенсии уже заявила, что приветствует прибытие китайского оператора в пользу использования порта китайскими судоходными компаниями и увеличения конкуренции в порту, поскольку европейские компании управляют другими тремя терминалами. И COSCO, и China Merchants уже проявили интерес к этой операции [Expansión 2015, P.214].

Следуя этой же стратегии, испанские государственные учреждения – такие, как торговая палата в Пекине – и полугосударственные организации, такие как Каса Азия и Совет Испании и Китая, организовали или помогли организовать несколько мероприятий на ОПОП, как в Испании, так и в Китае. Некоторые из этих мероприятий включали участие высокопоставленных

должностных лиц. Например, министр иностранных дел Испании Хосе Гарсия–Маргалло завершил Второй форум по Шелковому пути, организованный в Мадриде в октябре 2015 года, и проявил большой энтузиазм по поводу новых деловых возможностей, которые мог бы принести ОПОП [Solana J. 2015, P. 232].

Посол Китая в Испании Лю Фан очень хочет упомянуть ОПОП во всех своих публичных выступлениях, подчеркивая его потенциал для продвижения деловых возможностей и обмена людьми между Испанией и Китаем. 6 июля 2015 года на Новом экономическом форуме в Мадриде его речь была озаглавлена «Экономический пояс» Шелковый путь »и морской шелковый путь XXI века: новые возможности для сотрудничества между Китаем и Испанией». Местные власти в Иу очень серьезно относятся к проекту. Заместитель мэра Иу посетил Мадрид в апреле 2015 года, чтобы принять участие в 8–м Форуме в Испании в Китае, и в своем выступлении он рассказал о деловых возможностях, которые приходят с ОПОП и особенно с железнодорожной связью между Иу и Мадридом. Чтобы доказать свою приверженность, правительство Иу в марте 2016 года учредило в Мадриде штаб–квартиру Фонда обмена между Иу и Испанией, и с тех пор были открыты рекламные щиты возле аэропорта Мадрида, поощряющего Иу [Weissmann’s research was funded through a grant from the Marianne and Marcus Wallenberg Foundation (Grant No. MMW 2013.0162). режим доступа: <http://www.ui.se/powershift/>.(дата обращения: 01.01.2017)].

Актуальность инициативы Китая в **Великобритании** не сразу становится понятной. Географически, Великобритания в лучшем случае находится на периферии как экономического пояса Шелкового пути, так и морского шелкового пути XXI века. Хотя в официальном списке примерно 65 стран, которые китайские СМИ называют частью инициативы «Пояс и путь», по крайней мере до тех пор, пока президент Китая Си Цзиньпин публично не упомянул в августе 2016 года, что «более 100 стран» приняли участие – почти все неофициальные карты, которые пытаются обозначить инициативу

заканчиваются на европейском материке и не включают Великобританию. Поэтому можно сделать вывод о том, что воздействие этой инициативы на Великобританию является незначительным и что оно не играет значительной роли в отношениях между Великобританией и Китаем [UK government (2016), 'Consul General's speech at Fund Forum Asia 2016', 19 April, режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/consul-generals-speech-at-fund-forum-asia-2016>. (дата обращения: 02.02.2017)].

Во время государственного визита в октябре 2015 года президента Китая Си «Пояс и путь» упоминался в совместном заявлении как «крупная инициатива». Тем не менее, большинство коммерческих сделок, отмеченных во время визита, были обусловлены другими факторами (приложение 6). Точно Также в заявлении о результатах 12-го заседания Объединенной экономической и торговой комиссии Соединенного Королевства в феврале 2016 года инициатива «Пояс и путь» была упомянута только один раз, в пятом разделе «Альянс за инфраструктуру и сотрудничество на третьих рынках», указывая на то, что он составляет лишь одну часть все более широких торговых и инвестиционных отношений между двумя странами.

Вывод: взаимоотношения КНР и стран ЕС, если мы рассматриваем их с нормативно-правовой стороны, в основном связаны с экономической перспективой «Один пояс – один путь». На современном этапе экономическая интеграция КНР в пространство Европейского Союза развивается достаточно стремительными темпами. Обладая самой мощной экономикой в мире, Китай может диктовать свои условия во взаимоотношениях с ЕС. Страны Европейского Союза, в свою очередь, не всегда идут на уступки своему азиатскому партнёру, стараясь защитить свою экономику и отстоять свой национальный суверенитет в сфере бизнеса.

Глава 2. Тенденции и перспективы развития Европейского направления внешней политики КНР

2.1. Политические аспекты взаимоотношений КНР и ЕС

В течение 35 лет активно развивалась национальная экономика Китая. В 1978 г. Китай по показателю ВВП находился лишь на 10–м месте, в 2008 г. он уже превзошел Германию и занял 3–е место, а в 2010 г. по общему объему экономики Китай обошел и Японию, заняв 2–е место в мире. Доход на душу населения с 1978 г. по 2012 г. вырос со 190 до 5680 долл., в настоящее время он достиг почти 7500 долл. В соответствии с международными стандартами Китай уже вошел в ряд стран мира со средним уровнем доходов. Но в силу особенностей, связанных с географическим расположением страны, обеспеченностью ресурсами, общим фундаментом развития и степенью открытости к внешнему миру в целом Китай развивался неравномерно, т. е. наблюдалась ситуация, когда в восточном регионе Китая (в его прибрежной зоне) развитие шло быстро, а в западном регионе (внутренние районы страны) – заметно отставало [Pillsbury. М. 2015, P.234].

На современном этапе, влияние поднебесной на экономические процессы в странах ЕС и Восточной Европы продолжает усиливаться. Китай всячески старается охватить как можно больше ниш в европейской экономике, предлагая свои товары и услуги. Стоит отметить проект – "Один пояс — один путь". Который включает в себя три направления. Создание открытой экономики, интеграция экономики Китая с мировой экономикой является одним из самых важных результатов политики реформ и открытости Китая за последние 35 лет, можно сказать, что это одно из основных достижений Китая. Первоначально Китай проводил политику открытости в основном в прибрежных регионах, а также вдоль пограничных зон. Через 35 лет развитию китайской экономики все больше и больше мешают занятость, рост дохода и факторы окружающей среды. С целью создания благоприятных

условий для всестороннего углубления реформ, в настоящее время экономика Китая переходит от быстрых темпов развития к стабильным темпам, т. е. переходит в новое устойчивое состояние. Китаю необходимо преодолеть препятствия, обусловленные различиями в структуре и уровне развития разных регионов. Китай должен отказаться от экстенсивного способа стимуляции экономического роста и вместо этого ускорить регулирование своей экономической структуры, перейти к трансформации традиционных отраслей, тем самым гарантировав дальнейшее устойчивое экономическое развитие. В связи с этим Китай выдвинул стратегию «Один пояс — один путь», целью которого является осуществление развития западной части Китая и возрождение северо-восточных регионов Китая [Shen S. How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. — Diplomat. — 2016. — February 6, режим доступа: <http://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/> (дата обращения 23.12.2016)].

Несмотря на географическую отдаленность, многие наблюдатели в Европе проявляют интерес не только к недавним экономическим инициативам Китая, но и к вопросу о том, как соотносятся между собой его международные экономические связи и геополитические притязания. Наиболее воинственно настроенные представители европейских политических, экспертных и академических кругов критикуют традиционную приверженность Европы мирному деловому сотрудничеству с Китаем, они утверждают, что такое сотрудничество способствует превращению Китая в стратегического соперника Европы.

Если рассматривать отношения Китая, Европейского союза в более широком смысле, становится очевидным, что прочные взаимозависимые торговые и инвестиционные связи не исключают эпизодов геополитического соперничества и политической напряженности в Азии и за ее пределами. Так, недавно, с замедлением темпов роста китайской экономики и началом изменения модели ее развития, у Китая возникли торговые трения одновременно с ЕС и Соединенными Штатами из-за перепроизводства стали.

Подобные конфликты укрепляют позиции тех, кто выступает против признания странами — членами ВТО рыночного статуса китайской экономики. Кроме того, в ЕС и США возникают вопросы, связанные с международными экономическими организациями: не стремится ли Китай путем создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и осуществления других инициатив регионального развития подорвать такие существующие институты, как, например, Всемирный банк и Азиатский банк развития.

Многие страны ЕС присоединились к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, США этого делать не стали и призвали союзников следовать своему примеру. И все же вопрос о том, кто устанавливает правила управления мировой экономикой, по-прежнему исключительно важен для государственных лидеров по обе стороны Атлантики. Таким образом, вопреки китайской риторике мирного развития, взаимозависимость экономик как минимум не смогла гарантировать Китаю гладкого и беспроblemного развития отношений ни с Соединенными Штатами, ни с ЕС [Shen S. How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. — *Diplomat*. — 2016. — February 6, режим доступа: <http://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/> (дата обращения 23.12.2016)]. Однако и меркантилистская геоэкономическая парадигма, которая пользуется известной популярностью в США и Европе, подкреплена на удивление малым числом примеров прямой или хотя бы косвенной зависимости геополитического влияния Китая от его международных экономических связей. Во всяком случае, дискуссия о валютной политике Китая или его авуарах в долларах и долгосрочных казначейских облигациях США показывает, что его меркантилистская по сути политика не соответствует представлениям о глубокой торговой и финансовой взаимозависимости Китая и США. Китай использует вопрос допуска на свой рынок в качестве рычага при переговорах с Соединенными Штатами и ЕС, но и западные чиновники и компании тоже активно пытаются с помощью

законов, стандартов и торговых соглашений регулировать правила игры, так что Китаю и китайским компаниям приходится им следовать. Наконец, в отсутствие прочных экономических связей и взаимозависимости между Китаем с одной стороны и Соединенными Штатами и Европой с другой стратегическая напряженность могла бы быть острее, чем сейчас, а пространство для переговоров — уже.

Инклюзивный подход Китая не означает, что все государства–члены ЕС одинаково важны для политики КНР. В Европе Китай нацелен на два региона, в частности на продвижение «Нового Шелкового пути»: Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ); И европейские средиземноморские страны (Южная Европа, особенно Греция). Что касается ЦВЕ, то Китай использовал механизм ЦВЕ 16 + 1 для усиления своего влияния в регионе. В основе этого механизма лежат ежегодные встречи на высшем уровне, в которых участвуют премьер–министр Китая Ли Кэцян и лидеры шестнадцати стран ЦВЕ. Региональная платформа, подобная ЦВЕ 16 + 1, не существует в отношении Европейского Средиземноморья, но правительство Китая проявляет интерес к созданию механизмов секторального сотрудничества (с акцентом на сельское хозяйство и морское сотрудничество) с шестью странами южной Европы (Греция, Мальта, Кипр, Италия, Испания и Португалия) [Виноградов А.О. 2014, с. 123-155].

Имеются различные признаки особой заинтересованности Китая в ЦВЕ (включая страны, которые не являются членами ЕС или ЦВЕ 16 + 1), и средиземноморские регионы (прежде всего Греция). Во–первых, многие из официальных проектов Китая расположены в этих регионах. Особое значение имеют греческий порт Пирей, маршрут сухопутного экспресса между Грецией и Центральной Европой, железнодорожные узлы Китай–Европа в Польше и Беларуси, морские порты Прибалтики и Мадрид как конечный пункт назначения самого длинного китайско–европейского железнодорожного сообщения. Однако некоторые виды деятельности политики КНР выходят за пределы этих двух регионов, таких как

железнодорожные перевозки в Германию и другие страны Западной Европы. Китай также рассматривает процесс интернационализации юаня в Лондоне как очень важную часть отношений. Во-вторых, президент Китая Си Цзиньпин и премьер-министр Ли Кэцян посетили несколько стран в этих двух регионах, где они выступили с публичными речами о важности взаимодействия. Это касается Греции, Румынии, Чехии, Сербии и Польши. Здесь также следует отметить, что такая деятельность не проводилась исключительно в странах ЦВЕ и Греции. Президент Си Цзиньпин также обсудил возможности взаимодействия со странами ЕС в выступлениях, которые он произнес в Германии и Бельгии (в 2014 году) и в Великобритании (в 2015 году). В-третьих, крупные международные конференции по ОПОП были проведены в Польше и Испании, а институты, связанные с ОПОП, были созданы в Венгрии и Чешской Республике.

Говоря о политическом курсе КНР в отношении ЕС, можно выделить следующие основные параметры:

- Китайско-европейское партнерство в интересах мира: Китай готов сотрудничать с ЕС, чтобы приблизить две основные силы к мирному развитию в многополярном мире, уважать и учитывать основные интересы и основные интересы друг друга, сделать международный порядок и международную систему более справедливой, выступать за демократию в международных отношениях и создавать мирные, стабильные, справедливые и упорядоченные условия развития для всех стран.
- Китайско-европейское партнерство для обоюдного роста: Китай готов работать с ЕС, чтобы приблизить два основных рынка к созданию сообщества интересов Китая и ЕС, укрепить связь интересов между двумя сторонами на глобальном стратегическом, региональном и двустороннем Уровнях, проводить взаимовыгодное сотрудничество на более высоких уровнях и вносить большой вклад в создание открытой мировой экономики.
- Китайско-европейское партнерство согласно новым реформам: Китай готов сотрудничать с ЕС, чтобы лучше согласовать всестороннее

углубление реформ в Китае с реформами и ЕС, опираясь на опыт реформ друг друга, делиться дивидендами по реформам, совместно улучшать возможности реформ и управления, и активно участвовать в разработке правил глобального управления.

- Китайско–европейское партнерство в интересах цивилизации: Китай готов сотрудничать с ЕС, чтобы приблизиться к двум основным цивилизациям на Востоке и на Западе и привести пример различных цивилизаций, стремящихся к гармонии без единообразия, поощрения разнообразия, обучения друг у друга и совместного использования процветание.

Учитывая различия в истории, культурных традициях, политической системе и этапе экономического развития, а также растущую конкуренцию между Китаем и ЕС в некоторых секторах в последние годы, у обеих сторон есть разногласия и трения по таким важным вопросам, как права человека, как, а также экономические и торговые вопросы. Китай считает, что эти вопросы должны быть надлежащим образом урегулированы путем диалога в духе равенства и взаимного уважения и побуждает ЕС двигаться в том же направлении. Согласно этому описанию, экономическая экспансия Китая через Евразию и Африку является преобразующим процессом, который является всеобъемлющим и полезным для всех. Ключевым компонентом усилий китайской общественной дипломатии является систематическое ознакомление с иностранными актерами с целью «мозгового штурма ОПОП» в Китае, Европе и за его пределами. Это включает организацию международных конференций, семинаров и форумов различного характера, в ходе которых иностранные участники (представители правительства и бизнеса, а также ученые и отдельные лица из неправительственных организаций (НПО) Могут предлагать идеи и конкретные проекты в рамках ОПОП, или их просят формулировать критические замечания и комментарии. Это дает китайскому правительству двойное преимущество: оно не только выглядит как слушатель, потенциально распространяя критику

наступательного/настойчивого стратега, но и в то же время собирая идеи и информацию, которые в конечном счете, будут полезны для тонкой настройки процесса и внедрения ОПОП (приложение 3).

Сотрудничество в политической сфере проявляется в активном политическом диалоге между двумя блоками, укреплением сотрудничества в международных проектах, расширением сотрудничества между законодательными органами и политическими партиями, взаимным сотрудничеством в сфере безопасности, соблюдением принципа единого Китая. Немало важным остается одобрение сотрудничества Макао и ЕС. Исходя из контуров сфер кооперации двух блоков, можно выделить следующие политические задачи:

- Усиление сотрудничества касаясь международных вопросов, совместная работа над политическими решениями международных и региональных проблем «горячих точек» и поддержка мира и стабильности – одни из основных принципов кооперации политики КНР и ЕС.
- Оказание поддержки Организации Объединенных Наций и ее главной роли в поддержании мира во всем мире, содействие совместному развитию и содействие международному сотрудничеству. Активизировать обмен в рамках миротворческой деятельности ООН и содействовать сотрудничеству между двумя сторонами посредством обмена опытом.
- Углубить обмен и сотрудничество в рамках Азиатско–европейского совещания, содействовать равенству, взаимному доверию и практическому сотрудничеству между Азией и Европой, а также усилить роль и влияние ASEM в поддержании мира во всем мире и региональной стабильности, способствуя восстановлению мировой экономики А также устойчивое развитие и работа над решениями глобальных проблем.
- Усилить координацию макроэкономической политики в рамках «большой двадцатки», взять на себя обязательство совместно работать над большей ролью «Группы двадцати» в международных экономических и финансовых делах в качестве главного форума для международного экономического сотрудничества. Поощрять «Группу двадцати» к

налаживанию более тесных партнерских отношений, приверженность реформам международных валютно–финансовых систем, стимулирование либерализации торговли и инвестиций и упрощение процедур, противодействие протекционизму и поддержание и развитие открытой мировой экономики.

- Принять меры для совместного продвижения международных усилий по достижению целей в области развития

- Укреплять контртеррористические обмены и сотрудничество на основе принципа взаимного уважения и равноправного сотрудничества, выступать против «двойных стандартов» в борьбе с терроризмом и добиваться дальнейшего прогресса в международном контртеррористическом сотрудничестве.

- Укреплять диалог и сотрудничество в области кибербезопасности и содействовать созданию мирного, безопасного, открытого и совместного киберпространства. Содействовать практическому сотрудничеству между Китаем и ЕС в борьбе с киберпреступностью.

Подводя итог вышесказанному можно сказать, что политические задачи, которые ставят перед собой КНР и ЕС, вполне достижимы. Однако достичь их в кратчайшие сроки позволит лишь слаженная работа и своевременное принятие важных решений со стороны обоих блоков. Стоит отметить, что большинство целей и задач, которые ставят перед собой эти блоки, совпадают – это даёт в полной мере понять всю важность скорейшего их решения.

В двусторонних отношениях едва ли есть европейская страна, где китайская инициатива не вызывала споров в политических кругах по поводу мотивов Китая, а также потенциальных возможностей для стран–членов ЕС и бизнеса. Однако среди большинства европейских правительств преобладает выжидательная позиция. ОПОП является лишь одним из многих аспектов двусторонних отношений Китая со странами ЕС [Huotari M. and Mayer M. 2015. P. 444]. В дипломатической сфере ОПОП, судя по всему, способствовало балансировке с предыдущим фокусом Китая на крупных

государствах–членах ЕС: теперь лидеры Китая уделяют гораздо больше внимания странам в центре и на юго–востоке Европы [Jonquières G. 2016, p.123-143]. Хотя это в основном приветствуется этими странами и, безусловно, может принести пользу, есть признаки того, что возрастающее значение Китая усилило его способность влиять на выбор европейских государств и осложнило дипломатию ЕС, угрожая подорвать силу ЕС в отношении установления стандартов в новых странах–членах ЕС и соседним странам. После заявления Постоянной палаты третейского суда в Гааге о статусе сухопутных масс в Южно–Китайском море в июле 2016 года, например, позиции Венгрии и Греции – ключевых стран для инициативы ОПОП Китая – привели к созданию более запутанного европейского положения.

Ни одна европейская страна, ни ЕС пока не разработали всеобъемлющий стратегический подход к реагированию на воздействие ОПОП на региональную динамику и то, как следует развивать европейское взаимодействие. Между тем, несмотря на неизбежные сомнения в прочности этого углубляющегося партнерства, ОПОП все больше становится основой для продвижения отношений Китая с Россией [Arduino A. 2016, P.433]. В то же время ОПОП катализирует присутствие Китая в Центральной Азии и соседних странах Европы на Южном Кавказе, на Балканах, в Турции и Северной Африке, а также в важнейших областях, представляющих интерес для Европы: на Ближнем Востоке и в Восточной Африке.

2.2. Торгово–экономические, социальные и культурные аспекты взаимоотношений КНР и ведущих стран ЕС

Экономика Китая на современном этапе достигла огромных высот. Товарооборот КНР занимает наибольшую долю на мировом рынке, кроме того огромное количество предприятий собраны в Китае. Ежегодный прирост ВВП говорит о том, что КНР стремится расширить плацдарм своих

возможностей не только в АТР, но и по всему миру (приложение 9). Торговые отношения КНР и ЕС можно охарактеризовать как развивающиеся. На данный момент, Китай вливает огромное количество инвестиций в перспективные проекты, связанные с Европой. Китай, в той или иной мере сотрудничает с большинством стран ЕС, обеспечивая себе надежных партнеров на мировом рынке товаров и услуг. Отдельно стоит рассмотреть концепцию «Один пояс — один путь» [Виноградов А.О. с. 132–140].

Инициатива по созданию «Шелкового пути» была выдвинута с учетом принципа взаимного дополнения экономик, с учетом различий между Китаем и соседними странами, а также с учетом всех существующих недостатков в инфраструктуре всех предполагаемых участников данного экономического проекта. Такая взаимодополняемость обеспечивает важную основу для долгосрочного делового сотрудничества Китая с соседними странами, и даже создание Евразийского союза не смогло повлиять на взаимодополняемость экономических систем Китая и сопредельных с ним стран, ведь только в процессе совместных усилий по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» будет возможным в полной мере преодолеть неразвитость инфраструктуры в этом регионе [Виноградов А.О. 2013, с. 132–140].

Китайское правительство подчеркивает, что инициатива "Один пояс — один путь" (ОПОП), «дополняет» существующие национальные и европейские планы (например, так называемый «план Юнкера» или планы, продвигаемые отдельными странами–членами ЕС) для развития инфраструктуры и расширения возможностей подключения в Европе и за ее пределами. Большинство послов в Европейских странах отмечают важность ОПОП и его значимость для развития отношений между КНР и странами Европы [Виноградов А.О. 2014, с.11-43].

Хотя подход ОПОП в Китае в основном ориентирован на страны Центральной и Восточной Европы и Средиземноморья, другие регионы Европы не были полностью забыты, а список стран, входящих в ОПОП, развивается. Помимо региональных кластеров, которые играют важную роль

в практической деятельности Китая, страны могут быть разделены на категории (приложение 2):

1. Существует ли страна в основных конкретных проектах ОПОП.
2. Придает ли Китай большое значение и внимание к стране с точки зрения ее охвата ОПОП.
3. Является ли страна решительно восприимчивой к инициативе ОПОП в Китае.

Помимо проектов железных дорог в западноевропейских странах и интереса Китая к роли Великобритании в интернационализации юаня, китайское правительство проявляет интерес к сотрудничеству с преимущественно западноевропейскими странами, такими как Великобритания, Франция, Португалия и Испания – по проектам ОПОП в «третьих странах», то есть в странах Азии, Африки и даже Латинской Америки. Китай проявляет активную готовность сотрудничать с Францией во франкоязычной Африке, с Испанией в испаноязычных странах Латинской Америки и с Португалией в португалоязычных странах Африки и Бразилии.

Не только китайские дипломаты, но и исследователи из китайских мозговых центров и университетов, китайские компании и китайские англоязычные СМИ часто обращаются к ОПОП, обращаясь к европейской аудитории. Китай содействует не только фактическим примерам китайско–европейского сотрудничества в области установления связей, которые пока относительно немногочисленны, но также и выделяют ОПОП как отдельную структуру отношений [Виноградов А.О. 2014, с.23-45].

Хотя воздействие ОПОП сильно варьируется в странах–членах ЕС, эта инициатива постепенно набирает силу по всей Европе, формируя двусторонние политические отношения и **стратегические последствия**, в том числе для согласованности политики ЕС. Однако некоторые страны ЦВЕ и средиземноморские правительства особенно стремятся следить за Китаем и связанными с ним финансовыми и инвестиционными обещаниями, но не только в целях расширения жесткой инфраструктурной связи. Местные

органы власти, операторы транспортных узлов и компании в секторе логистики во многих странах спешат присоединиться к ОПОП, чтобы воспользоваться новыми возможностями для бизнеса. В то время как конкретное «влияние связности» ОПОП на европейской территории все еще ограничено, новые транспортные коридоры уже появляются, и частота их использования быстро растет. Одно из них – железнодорожное сообщение между Китаем и Западной Европой через Польшу в Германию и далее; Другой – коридор между севером и севером между Грецией и Балтийским регионом через Центральную Европу, а Пирей как быстрорастущий центр в Средиземноморье, а актеры в Италии участвуют в расширении своего профиля в рамках расширяющейся логистической сети на юг–север. В то же время сотрудничество с третьими странами остается на очень ранних стадиях, поскольку степень готовности европейских компаний к участию в осуществляемых под руководством Китая инфраструктурных проектах за пределами Европы остается неясной [Christopher K. J. 2016, P.244].

Тем не менее, на более широком дипломатическом и стратегическом уровне ОПОП стала символом растущего значения Китая в международных делах, изменив региональную динамику в географических районах, близких или даже внутри Европы. На самом базовом уровне стратегические последствия расширения политики Китая в ЕС проистекают не столько из совокупностей проектов с одной связностью, сколько из ее всеобъемлющего характера [Alessandro A. 2016. p.213-245].

Инициативы, связанные с Китаем, такие как АБИИ, уже изменили глобальный ландшафт финансового развития. Точно также в сфере отношений безопасности существует необходимость защиты активов и граждан за рубежом приводящая к «секьюритизации» участия китайского ОПОП за рубежом, что, вероятно, существенно изменит роль Китая в регионах европейских интересов. Внутри Европы и в сочетании с субрегиональными «мини–инициативами» в Китае, такими как ЦВЕ 16 + 1,

ОПОП также вносит свой вклад в изменения в ландшафте формирования политики в Европе и Китае.

Двусторонние отношения **Чешской Республики** с Китайской Народной Республикой в последнее время претерпели значительные изменения в лучшую сторону. С 2013 года, когда президентом был избран бывший премьер-министр – Милош Земан. С чешской точки зрения, это улучшение напрямую не связано с китайской стратегией «Один пояс — один путь» или каким-либо конкретным многосторонним проектом, связанным с инициативой. Однако, с точки зрения Китая, чешская риторическая поддержка Китая является важным элементом двусторонних дипломатических отношений [New Silk Road Institute Prague (NSRIP), режим доступа: <http://nsrip.org/en/>.(дата обращения: 12.12.2016)].

Динамичное развитие чешско-китайских отношений указывает на изменение стратегии Пекина в сторону более дифференцированного взгляда на европейскую региональную структуру, которая делает больший акцент на новых посткоммунистических странах-членах ЕС. С точки зрения ЦВЕ, инициатива ОПОП может быть описана скорее как временная интеграция предыдущего регионального проекта ЦВЕ 16 + 1 в более широкую структуру, которая лишь отдаленно связана с стратегическим партнерством между ЕС и КНР. Повышение статуса Чешской Республики для Китая во многом обусловлено (поздним) открытием инвестиционных возможностей (действительно, Чешская Республика в настоящее время является крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на душу населения в посткоммунистической Европе) [COSCO Logistics (2013), 'COSCO Logistics Set Up Cross-Docking Center for Hewlett-Packard in Piraeus', COSCO Logistics website, режим доступа: http://www.cosco-logistics.com.cn/e_about%20us/news.jsp?newsid=95000620.(дата обращения: 12.12.2016)].

Инициатива "Один пояс – один путь" остается очень незначительной и неясной, являясь вопросом в политических и медийных дебатах, внимание в

которых получают общие экономические и политические двусторонние отношения [Harper J. (2016), 'Danube–Oder–Elbe Water Corridor Project Gives Way to Smaller Water Canal Project on Oder', Central European Financial Observer, 18 April, режим доступа: <http://www.financialobserver.eu/poland/danube-oder-elbe-water-corridor-projectgives-way-to-smaller-water-canal-project-on-oder/>(дата обращения: 12.12.2016)].

С чешской стороны основными действующими лицами, способствующими углублению отношений с Китаем, являются нынешний прокитайский чешский политический истеблишмент, в состав которого входит президент Милош Земан, правительство социал–демократической коалиции, которое также включает АНО, которая фактически является политической партией Бизнес и медиа олигарх Андрей Бабиш. Первый визит китайского президента в Прагу в марте 2016 года подтвердил модернизацию политических связей в соответствии с расширением экономического сотрудничества [New Silk Road Institute Prague (NSRIP), URL: <http://nsrip.org/en/>.(дата обращения: 12.12.2016)].

Совершенствование двусторонних отношений подняло Чешскую Республику в список основных стратегических партнеров Китая. Если подписанные соглашения материализуются, китайские инвестиции могут поставить КНР в пятерку крупнейших инвесторов в Чешской Республике. Тем не менее, общественные дебаты в Чехии по этому вопросу указывают на большие сомнения, чем оптимизм в отношении этого исторического прорыва в отношениях с этим азиатским стратегическим партнером. Фактически, прибытие китайского президента Си Цзинпина в начале 2016 года было встречено массовыми демонстрациями и случайными столкновениями с китайскими организованными сторонниками президента, которые напали на местных демонстрантов с тибетскими флагами. В чешских СМИ были отмечены неудовлетворительные объемы чешского экспорта в Китай, незначительная экономическая значимость китайских инвестиций и их

структурные недостатки. Кроме того, многие чехи посчитали церемонию встречи китайской делегации во время визита китайского президента, принижающей достоинство чехов, поскольку красные китайские флаги были увешаны вдоль улиц, что вызвало депрессивные воспоминания о советских красных знаменах, которые украшали празднования Государственных юбилеев и военных парадов в коммунистическую эпоху. Политические оппозиционные партии, правозащитные НПО и тибетские группы, поддерживаемые академическими кругами, обвиняли чешских политиков в отказе от критики в области прав человека и поэтому также совершают измену идеям бывшего президента Чехии Вацлава Гавела [Stokes M. and Hsiao R. (2013), 'The People's Liberation Army General Political Department Political Warfare with Chinese Characteristics', Project2049.net, 14 October, режим доступа

:https://www.project2049.net/documents/PLA_General_Political_Department_Liaison_Stokes_Hsiao.pdf.(дата обращения: 22.12.2016)].

Чешская оппозиция и НПО протестовали против ненадлежащей полицейской помощи китайской делегации, поскольку полиция якобы не защитила чешских граждан в достаточной мере от агрессивных китайских нападавших. Критика в средствах массовой информации также касалась нарушения прав столичных и государственных властей на акции протеста, которые препятствовали митингующим приближаться к общественным местам вблизи правительственных зданий [Lomová O. (2016), 'Czech–Chinese Honeymoon I: Will It Bring Economic Advantage or End in Security Risk?', The V4 Revue, 9 February, режим доступа: <http://visegradrevue.eu/czech-chinese-honeymoon-part-i-will-it-bring-economic-advantage-or-end-in-securityrisk/>. (дата обращения: 12.12.2016)].

Еще одним элементом критического освещения в СМИ стали заявления о сомнительной идентичности и китайском военном происхождении руководства CEFC (Китайская энергетическая компания), которое некоторые критики считают угрозой безопасности. Е Цзяньмин является председателем

Китайского комитета по энергетическому фонду (центр, связанный с Общим политическим департаментом Коммунистической партии Китая и Народно-освободительной армии (НОАК)), деятельность которого направлена на пропаганду и деятельность в области общественной дипломатии. Сообщения СМИ выявили риски безопасности, подрывной стратегии Китая по использованию слабого чешского политического и силового ведомства для распространения своих энергетических сетей в ЕС [Interview with Czech President Zeman for the CCTV, 23 March 2016, режим доступа: <http://newscontent.cctv.com/NewJsp/news.jsp?fileId=348257>.(дата обращения: 12.12.2016)].

Наряду с существенным улучшением двусторонних отношений после визита министра иностранных дел Чехии Любома Заоралека в Пекин в 2014 году, Китай становится важным внутривнутриполитическим вопросом. Негативный дискурс выявляет разрыв между сильным консенсусом относительно значимости Китая в политических и деловых кругах и общественным мнением с другой стороны. Президент Чехии Милош Земан, ключевой сторонник прагматической политики Китая, сам стимулировал критику в СМИ своими едва приемлемыми заявлениями для Центрального телевидения Китая (CCTV), когда в интервью он упомянул о том, что чешская политика (по отношению к Китаю) не является больше «подчиненной давлению со стороны Соединенных Штатов и Европейского Союза». Спорная риторика президента Чехии вызвала обеспокоенность не только у чешской общественности, но и привлекла внимание за рубежом [Interview with Czech President Zeman for the CCTV, 23 March 2016, режим доступа: <http://newscontent.cctv.com/NewJsp/news.jsp?fileId=348257>.(дата обращения: 12.12.2016)].

Вывод: Двусторонние отношения между Чехией и Китаем достигли самого высокого уровня с точки зрения политической повестки дня, и первые соответствующие потоки инвестиций были подтверждены во время инаугурационного визита китайского президента в Прагу в 2016 году и

декларации о стратегическом партнерстве. Новая прагматичная политика Чешской Республики основана на сильном внутреннем консенсусе и использует преимущества регионального формата Китая плюс шестнадцать посткоммунистических европейских государств (ЦВЕ 16 + 1), а также стратегическое партнерство между ЕС и Китаем. Проект, о котором заявила Прага свою поддержку, оказывает лишь незначительное влияние на двусторонние связи. Фактически, дипломатия Китая в чешском контексте до сих пор оставалась лишь частично синтезированной с чешскими внутренними приоритетами. Недавние приобретения и инвестиции в Китае были сосредоточены на финансовых услугах, здравоохранении, авиации, транспорте, СМИ, туризме и недвижимости. Чешские экспортные амбиции в Китае не получили существенного улучшения политической ситуации. Более того, инвестиционные приоритеты, связанные с китайским ОПОП, нашли недостаточные возможности для предложений Чехии в области энергетики и инфраструктуры.

Хотя отношения **Дании** с КНР временами испытывали некоторые серьезные неудачи, отношения в настоящее время находятся в очень хорошем состоянии. Действительно, китайско–датские отношения успешно развиваются в текущем десятилетии, чему способствует широкий спектр двусторонних инициатив, направленных на поощрение торговли, инвестиций, туризма, программ обмена студентами и сотрудничества в области научных исследований. Сегодня Китай является вторым по величине в Дании партнером по торговле, не входящим в ЕС (уступая только Соединенным Штатам), а китайско–датская двусторонняя торговля товарами и услугами достигла исторического максимума в 120 млрд. Датских крон (€ 16 млрд.) В 2015 году [Lidegaard M. and Yi W. (2015), ‘Deepening China–Denmark Comprehensive Strategic Partnership and Building a Model for China–Europe Cooperation’, joint article published in the Danish newspaper Jyllandsposten, 11 May, режим доступа: <http://um.dk/en/about-us/the-ministers/speeches-and-articles-by-former-ministers/martin-lidegaard-speeches-andarticles/deepening->

china–denmark–comprehensive–strategic–partnership/.(дата обращения: 14.12.2016)].

Учитывая превосходное состояние китайско–датских отношений, несколько удивительно узнать – на основе опроса датских СМИ и ряда интервью с датскими и китайскими ключевыми действующими лицами – что амбициозный проект «Один пояс — один путь» имеет весьма ограниченное влияние в датском контексте. Единственной конкретной формой датского участия в ОПОП до сих пор было решение Дании присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций.

Вместе с тем общее позитивное взаимодействие Дании с АБИИ, скорее всего, будет свидетельствовать о том, как датское правительство будет воспринимать проект в предстоящие годы. Наконец, учитывая, что министерство иностранных дел Дании, В настоящее время изучает новые способы стимулирования китайско–датской связи в рамках обновленного соглашения о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, мы можем вскоре увидеть более прямые попытки правительства Дании углубить экономическое сотрудничество с КНР [Rathcke K. J. 2015, p.13-211].

Тем не менее, китайские дипломаты заявили, что Дания расположена на расширение партнёрства и вполне может стать участником ОПОП в будущем. Тем не менее, в преддверии решения Дании присоединиться к АБИИ в марте 2015 года, представители КНР с нетерпением использовали свои контакты в датском МИД, чтобы посеять семена для датского членства в новом банке, который широко рассматривается как неотъемлемая часть общей инициативы шелкового пути. После того, как датское членство в АБИИ было обеспечено, Китай направил президента АБИИ, Цзинь Лицюна, в марте 2016 года для переговоров. Обращаясь к датской аудитории, Джин сказал, что все члены банка должны иметь возможность играть определенную роль;

С точки зрения Пекина, Дания позитивно расположена в западной институциональной архитектуре, будучи не только очень близким союзником Соединенных Штатов, но также членом Организации Североатлантического

договора (НАТО), ЕС, Северного Совета и, не в последнюю очередь, Арктического совета. Кроме того, несмотря на свой небольшой государственный статус, Дания пользуется высоким спросом на помощь в целях развития и экологически чистых технологий, которые, вероятно, станут основными активами при разработке инвестиционной программы АБИИ [Rasmus D. N. and Christensen B. 2015, P.321].

Объясняя решение датского правительства, датский министр торговли и развития Могенс Йенсен в марте 2015 года подчеркнул, что «мы должны быть на борту, когда участвует большинство наших европейских партнеров. Мы считаем, что можем влиять на банк в благоприятном направлении, которое поддерживает наши общие внешнеполитические интересы» [Могенс Йенсен, выступление в Копенгагене, режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/david-gosset/the-european-union-and-ch_b_8308746.html (дата обращения: 04.03.2015)]. В том же интервью Могенс Йенсен уточнил, что мотивация Дании присоединиться к банку тесно связана с его планами инвестирования в энергетику, электроэнергию, сельское хозяйство, развитие сельских районов, водоснабжение и защите окружающей среды в ряде азиатских стран, где в настоящее время растут интересы Дании в сфере экономики и развития.

После выборов новый министр иностранных дел Дании Кристиан Йенсен посетил Китай в октябре 2015 года с целью подписать соглашение АБИИ, подчеркивая необходимость Дании участвовать и влиять на инвестиционные решения банка с самого начала. В целом большинство датских политиков позитивно оценивали АБИИ и даже оппозиционные партии решили не блокировать вклад Дании [Damkjær O. (2015), 'Kinas nye udviklingsbank splitter Vesten [China's New Development Bank Splits the West]', Berlingske, 29 March, режим доступа: <http://www.b.dk/globalt/kinas-nye-udviklingsbank-splitter-vesten> (дата обращения 20.02.2017)].

Датские СМИ фокусировались на основном соперничестве между Китаем и Западом, описывая АБИИ с точки зрения более широкой попытки

китайского правительства противостоять доминированию Запада над такими глобальными финансовыми институтами, как Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). Эксперты по вопросам политики в целом призвали Данию активно участвовать в АБИИ и, более широко, в ОПОП, несмотря на политические подтексты и бизнес-риски.

Важно отметить, что членство Дании и участие в АБИИ вполне могли бы стать предвестником более крупного участия датских организаций в китайской экономике в ближайшие годы, поскольку планы инвестиций и развития в Китае постепенно материализуются. Дания, по крайней мере, кажется, готова использовать возможности, предлагаемые инициативами «Нового Шелкового пути» в Китае [Lin C. 2016. P. 62].

Вывод: Участие Дании в зарубежных проектах в области инфраструктуры и развития Китая до сих пор ограничивалось Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, хотя бизнес и правительственные структуры недавно начали изучать возможности китайско-датского сотрудничества в рамках ОПОП. Несмотря на некоторые критические материалы в средствах массовой информации и оппозиционные голоса в датском парламенте, отношение датского правительства в целом к АБИИ было позитивным и прагматичным. Важно отметить, что членство Дании и участие в АБИИ вполне могли послужить предвестником более широкого участия датских организаций в ОПОП в предстоящие годы. Будучи единственной скандинавской страной с всесторонним стратегическим партнерством с Китаем, Дания готова использовать возможности для бизнеса, созданные ОПОП, в рамках расширения северного маршрута ОПОП. В то же время Дания, по всей вероятности, будет настаивать на соблюдении международных стандартов в отношении труда, окружающей среды, транспарентности и т. д. в этих проектах.

В настоящее время **китайско-французское** сотрудничество остается в значительной степени теоретическим, однако начало проявляться определенное взаимодействие. Тем не менее, местные власти в Лионе

стремились поддержать инициативу Шелкового пути, играя роль Лиона как исторического коммерческого и политического центра в Европе, и «город шелка». Действительно, местные и провинциальные правительства в более широком плане стремились извлечь выгоду из того, что рассматривается как возможность привлечь китайские инвестиции или построить связи с китайским рынком. Как и Лион, региональные власти в Нормандии использовали преимущества местной экономики, в частности глубоководный порт Гавр, и связи с внутренними портами Руана и Парижа [Ekman A. 2016, P.78].

Во многих отношениях экономика Франции может определить ее окончательное место в китайских проектах. Приватизации транспортных узлов, таких как порт Марсель или аэропорты Лиона Сент-Экзюпери или Ницца-Лазурный берег. В настоящее время некоторые французские компании могут извлечь максимальную выгоду из возможностей, предоставляемых в третьих странах финансированием китайского Шелкового пути.

Например, первые инвестиции, сделанные новым фондом «Шелковый путь», обеспечили ключевое финансирование для развития терминала сжиженного природного газа (СПГ) «Ямал» на российском побережье Арктики, в котором французская многонациональная компания «Тоталь» имеет 20-процентную долю. Проект, который планируется начать поставки СПГ в 2017 году, был приостановлен из-за недостатка финансирования, пока Китайский фонд Шелкового пути не согласился купить 9,9% акций в Новатэке, российском соинвесторе. Крупные французские судоходные компании позитивно относятся к Китаю и видят в нем надежного торгового партнера [Europe and China New Silk Road. 2016. p22].

Стратегия Китая в отношении Франции остается сдержанной, в отличие от более широкого лоббирования в таких странах, как Испания, Греция, Польша, Германия. Возможно, наиболее заметным промоутером проектов Шелкового пути во Франции является Институт Конфуция бизнес-школы NEOMA в Руане (Нормандия), которая организовала несколько

мероприятий по этой теме, включая мероприятие в июне 2015 года, на котором присутствовал тогдашний министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус. Более глубокая закупочная торговля (включая продвижение дипломатов Посольства Китая в Париже и китайских делегаций во Франции и приглашение французских деятелей на форумы ОПОП, проводимые в Китае и т. д.). При продвижении проекта во Франции официальные лица Китая и исследователи из финансируемых государством мозговых центров подчеркивали потенциальные экономические возможности, которые могут создавать инициативы, но обычно не выдвигают каких-либо конкретных проектов. Подход Китая состоит в том, чтобы пригласить французских актеров (бизнесменов, чиновников и исследователей и т. д.) на мозговой штурм и определить для себя, что Франция могла бы сделать с Китаем в этих рамках [Ekman A. 2016, P.78].

Для французских политиков, бизнесменов и граждан, инициативы Китая встречаются с осторожным чувством оптимизма. В этом смысле (ныне бывший) министр иностранных дел Франции Фабиус изложил официальную позицию, которая приветствует международное участие Китая и «новые формы сотрудничества» [Ekman A.2016, P. 89].

Помимо ограниченного сообщения министерства иностранных дел Франции, другие французские министерства пока воздерживаются от упоминания о китайском проекте, и у Франции нет согласованной, трансминистерской позиции или стратегии по этой теме. Министерство обороны Франции, которое имеет особый вес во французских политических кругах, также с осторожностью смотрит на развитие Китаем военно-морского флота и его параллельные инвестиции в развитие глубоководных портов по всему Индийскому океану (Такие как Коломбо в Шри-Ланке и Гвадар в Пакистане), вокруг Африканского Рога (Джибути) и в Средиземноморье (Черчел в Алжире), включая открытие военного логистического центра в Джибути, наряду с существующими французскими, американскими и японскими объектами там. В свете этого и в контексте

усилившейся конкуренции влияния между Китаем и Соединенными Штатами инициатива «Пояс и путь» все чаще воспринимается во Франции как амбициозный проект с потенциально значительными геоэкономическими, геополитическими и геостратегическими последствиями в долгосрочной перспективе [Shixue J.2015, p.13-78].

Вывод: Китай продвигает свои проекты во Франции действуя проактивно, как это было во многих других европейских странах. Число проектов, запущенных во Франции в рамках этой структуры, до сих пор остается весьма ограниченным, французское правительство, похоже, не имеет четкой, окончательной позиции по этой теме, и китайское правительство, по-видимому, инвестирует сравнительно меньше в продвижение проекта Чем в других европейских странах (в том числе средиземноморских стран, в частности, стран Центральной и Восточной Европы).

Деятельность Китая, связанная с **Германией**, до сих пор ограничивалась узкой линией проектов по железнодорожной эксплуатации, связывающих Германию и Китай. Как указано ниже, в рамках BRI стали создаваться пять немецко-китайских проектов по железнодорожной деятельности и предусматриваются дополнительные проекты железной дороги, связанные с BRI. В последнее время интерес к Китаю растет и в секторе морских грузовых перевозок в Германии. Крупнейший порт Германии в Гамбурге, а также DuisPort неоднократно заявляли о своей заинтересованности во взаимодействии с КНР для привлечения большего объема восточноазиатской и мировой морской торговли. Примечательно, что, как видно из Приложения 5, ряд проектов по железнодорожному транспорту между Германией и Китаем, которые представлены сегодня в рамках BRI, были запущены задолго до того, как президент Китая Си Цзиньпин начал эту инициативу в 2013 году. Железнодорожное сообщение из Чунцина в Дуйсбург иллюстрирует типы перенастройки проекта, который прошел в Германии особенно хорошо. Trans Eurasia Logistics объявила о планах по

созданию нового контейнерного железнодорожного маршрута между Германией и Китаем еще в 2008 году. Однако после официальной презентации BRI в 2013 году совместное предприятие очень подробно рассказывало о том, что проект всегда был центральным элементом «Нового Шелкового пути на рельсах».

Германия была главной целью деятельности китайского продвижения BRI на высшем уровне в Европе. Президент Китая Си Цзиньпин посетил немецкий город Дуйсбург в марте 2014 года, чтобы отпраздновать прибытие первого «официального» поезда Юйсинью из Чунцина [Shepard W. (2016), 'Why the China–Europe “Silk Road” Rail Network is Growing Fast', Forbes, 28 January. режим доступа:

[http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/01/28/why-china-europe silk-road-rail-transport-is-growing-fast/#5a7897407f24](http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/01/28/why-china-europe-silk-road-rail-transport-is-growing-fast/#5a7897407f24) (дата обращения: 14.12.2016)]. Посещение Си Цзиньпином, китайского посольства в Берлине способствовало сближению с немецкими политическими элитами. В

феврале 2016 года совместная организация ряда мероприятий BRI с берлинскими базами данных и фондами была завершена в посольстве Китая, в котором в феврале 2016 года проводилось учение по сбору ценностей BRI в австрийском посольстве. Масштаб, концептуальные основы проектов, а также предложил обсудить связи BRI с Платформой подключения ЕС–Китай. Однако, несмотря на сбор главных должностных лиц Китая, ЕС и Германии, мероприятие не привело к содержательному обсуждению конкретных планов для обеих стран [Köckritz A. 2014, p.24–25].

В июне 2015 года ведущие немецкие предприятия были приглашены для участия в двустороннем деловом диалоге в Тайкане по инициативам «Один пояс – один путь» – Диалог о новом германо–китайском сотрудничестве. Примечательно, что после проведения учений в министерстве иностранных дел Германии в начале 2016 года китайская деятельность, связанная с БРИ, на политическом и деловом уровнях начала ослабевать [Köckritz A. 2014, pp. 24–25].

Вместо этого Пекин пригласил немецких ученых и СМИ принять участие в культурных конференциях BRI в Китае, а Институты Конфуция в Германии организовали ряд культурных мероприятий, связанных с Великим шелковым путем, включая научные конференции, концерты и танцы фестивали. В начале 2016 года Институт Конфуция также посвятил полный объем своего флагманского издания на немецком языке, чтобы объяснить культурный и экономический выигрышный характер отношений.

В последнее время министерство иностранных дел Германии и другие правительственные учреждения все больше выделяют ресурсы для понимания того влияния, которое Китай может оказать на более широкий евразийский регион. Предприятия Германии и Федеральное министерство экономики и энергетики приняли более трезвый подход к экономическому потенциалу BRI, при этом публичные заявления по этой инициативе носили в основном нейтральный характер и не имели серьезных ожиданий. Однако в марте 2016 года финансируемое правительством Германское агентство по торговле и инвестициям опубликовало довольно позитивную оценку, поощряя немецкие предприятия использовать новые возможности взаимодействия с КНР. Как видно из Приложения 6, немецкая пресса широко освещала Neue Seidenstraße (Новый Шелковый путь). Однако, как показала практика, дискурсы в средствах массовой информации в основном касались геополитических амбиций Китая в Евразии и ее стремления содействовать экономическому развитию и стабильности в его собственных западных регионах. Немецкие журналисты только открыто говорили о взаимоотношениях между Китаем и Германией при описании новых немецко–китайских железнодорожных операций или роли Германии в АБИИ. Примечательно, что значительная часть освещения в прессе Германии изображает BRI как геополитическую угрозу или чрезмерно амбициозную попытку, обреченную на провал. Негативное освещение в прессе также касалось военной экспансии Китая и статуса уйгурских меньшинств в Синьцзяне [Haug A. and Ehmann W. 2016, p 21].

Немецкое правительство все чаще стремится разработать многосторонний подход к отношениям с КНР, что, по-видимому, является прямым следствием растущего интереса Берлина к более широким европейским и геополитическим последствиям. В Брюсселе Германия была активным сторонником использования Платформы взаимодействия ЕС и Китая в качестве способа обеспечения соответствия инвестиций, связанных с китайскими программами, европейским правилам и стандартам ЕС. Кроме того, платформа подключения рассматривается официальными представителями Германии как важный инструмент согласования планов китайской инфраструктуры в европейском районе с европейскими странами-членами [David Glass (2016), 'The Ins and Outs of China Cosco's Pireaus Deal', Seatrade Maritime News, 15 April, режим доступа: <http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/the-ins-and-outs-of-china-coscoss-pireaus-deal.html>. (дата обращения: 16.12.2016)].

Активная роль Германии в АБИИ и продвижение стандартов АБИИ в области управления представляет собой еще одну косвенную попытку сформировать китайскую деятельность, связанную с сотрудничеством в Евразии. Германия также стремилась к двустороннему сотрудничеству с Китаем в отношении деятельности в Центральной Азии. Во время четвертых межправительственных консультаций в Пекине, в июне 2016 года, министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер подписал меморандум о взаимопонимании по трехстороннему сотрудничеству в Афганистане, в рамках которого Германия и Китай планируют начать совместные проекты по поддержке Афганистана в области инфраструктуры, энергетики, транспорта, охраны окружающей среды, сельского хозяйства и здравоохранения. На региональном и муниципальном уровнях город Гамбург до сих пор делал наиболее заметные усилия по содействию сотрудничеству с БРИ. Торговая палата Гамбурга является единственным представителем Германии в так называемом «Промышленном и коммерческом альянсе» — многостороннем механизме сотрудничества, который спонсируется

Китайской федерацией промышленной экономики. Во время своего визита в Китай в ноябре 2015 года мэр Гамбурга Олаф Шольц продвигал Гамбург как крупный торговый центр Европы на Шелковом пути [Shixue J. 2015, P.89]. Однако, в отличие от ограниченных возможностей в отношении конкретных проектов в Германии на сегодняшний день, похоже, что эти мероприятия сделали очень мало для повышения осведомленности о китайских инициативах среди МСП в Германии.

Вывод: Хотя Германия была одной из самых первых европейских стран по налаживанию взаимоотношений и развитию новых проектов с Китаем, Скорее, деятельность КНР, связанная с Германией, по-прежнему ограничивается узкой линейкой проектов по железнодорожным операциям, в основном связывающих Германию и Китай. Пропаганда китайского языка, на политическом и деловом уровнях также в значительной степени уменьшилась. После начального периода «открытости» в отношении с КНР и большого интереса к основным предложениям инициативы правительство Германии также приняло решение о том, что Китай может разбавить инвестиционные правила ЕС и подорвать политическое единство. В целом, правительство Германии разработало многосторонний подход к сотрудничеству, который опирается на Платформу взаимодействия ЕС и Китая в попытке обеспечить соответствие деятельности КНР в Европе согласно стандартам ЕС. В то же время Берлин использует Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), «Группу двадцати» и, что наиболее заметно, АБИИ для формирования Китая в Евразии. Выходя за пределы федерального правительства, немецких региональных и муниципальных чиновники продолжают проявлять большой интерес к инициативам, как средству укрепления регионального экономического развития. В отличие от этого, промышленность Германии в целом приняла довольно осторожный подход к КНР, а освещение в прессе Германии часто было негативным, обращая особое внимание опасениям относительно геополитических амбиций Китая в Евразии.

В целом в **Греции** не существует четкой национальной стратегии в отношении КНР. Национальные и местные власти принимают реактивный, если не обструкционистский подход. Истинная движущая сила проектов, связанных с ОПОП, и других инвестиционных схем в Греции – это приватизация через HRADF в соответствии с обязательствами Греции, как это было изложено в третьей сделке по спасению Еврозоны, подписанной премьер–министром Ципрасом 13 июля 2015 года. Как было указано, за семь лет до затянувшегося финансового кризиса в Греции, кредиторы не рискуют⁴⁹. Европейские власти также играют определенную роль, главным образом через нормативно–правовую базу, которая применима ко всем государствам–членам ЕС. Что касается местных предприятий, то очень немногие из них способны делать конкурентные предложения и предпочитают участвовать в более крупных консорциумах [Bellos I. (2016), ‘Cosco Raises Investment Target for Piraeus’, e–kathimerini, 7 July, режим доступа: <http://www.ekathimerini.com/210213/article/ekathimerini/business/cosco-raises-investment-target-for-piraeus>.(дата обращения: 15.12.2016)].

Нет сомнений в том, что Греция является важным действующим лицом в контексте стратегии ОПОП в Китае. Инвестиции COSCO в Пирей – это пример. Несмотря на то, что в обозримом будущем существуют другие значимые потенциальные проекты, связанные с ОПОП, следует учитывать два существенных препятствия: отсутствие греческой стратегии ОБОР и правовой ясности в ряде случаев; финансовое затруднение Греции, которое, возможно, мешает национальным органам Греции изыскивать наилучшие возможные условия и максимальные выгоды, которые могут быть получены из смежных проектов, финансируемых китайцами.

Вывод: В настоящее время Греция является одним из немногих крупномасштабных проектов в Европе, которые четко распознаются как часть ОПОП. Не будет преувеличением сказать, что проект "Один пояс — один путь"— является ключевым двигателем китайско–греческих отношений. С 2008 года Китайская океанская судоходная компания (COSCO) инвестировала

4,3 млрд. Долл. США в два из трех причалов в морском порту Пирей. С апреля 2016 года COSCO также получила контрольный пакет акций Дирекции порта Пирей, взяв на себя обязательство инвестировать около 700 млн. Евро в течение следующего десятилетия. В то же время, в то время как Греция является важным игроком на морских маршрутах между Азией и Европой, на данном этапе нет четкой стратегии ОБОР, которая позволила бы греческому правительству и другим заинтересованным сторонам, например греческим судовладельцам, продвигать национальные интересы осмысленным образом [Huliaras A. and Petropoulos S. 2014, p.250-270].

Наиболее очевидный проект – реконструкция железнодорожной линии между **венгерскими** и сербскими столицами – Будапештом и Белградом, на которой в 2013 году впервые договорились Китай, Венгрия и Сербия. Консорциум China Railway Group (CRG), Railway Corporation (CRC) И Венгерская государственная железная дорога получила контракт на сумму 1,5 млрд. Евро на реконструкцию венгерской секции длиной 160 км, а в Сербии для достижения Белграда будет построено еще 180 км. Согласно первоначальному плану строительство должно быть завершено в конце 2017 года. Хотя 2018 год является годом выборов в Венгрии, и премьер-министр Китая Ли Кэцян также достигнет конца своего первого срока, представляется маловероятным, что железнодорожная линия будет доставлена вовремя, поскольку строительство еще не началось в сентябре 2016 года [Smith H. (2016), 'For Sale: Greek Islands, Hotels and Historic Sites', The Guardian, 30 May, режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/30/for-sale-greek-islands-hotels-historic-sites-stergios-pitsiorlas>.(дата обращения: 17.12.2016)].

Поскольку проект, кажется, более важен для Китая, чем для Венгрии, можно ожидать, что венгерская сторона будет использовать свою удобную переговорную позицию в ходе переговоров. Тем не менее, окончательное соглашение явно приносит большую пользу китайской стороне. Китайским строительным компаниям CRG и CRC будет выплачиваться за их работу,

контейнеры с китайскими товарами будут перевозиться по новой линии, а Экспортно–импортный банк Китая получит приличную прибыль от самого кредита. Между тем, Венгрия приобретет определенное значение в логистической инфраструктуре Центральной Европы, некоторые венгерские компании будут иметь возможность работать над проектом в качестве субподрядчиков, а Будапешт может получить более высокую политическую оценку в Пекине. Конечно, Венгрия получила бы гораздо больше, если бы имела стратегию привлечения иностранных (китайских) инвесторов в промышленные зоны вдоль железной дороги, чтобы строить заводы, логистические центры, разделяемые сервисные центры и, в конечном счете, создавать рабочие места. К сожалению, такая стратегия либо отсутствует, либо незаметна [CNTA (2016), ‘China Opens its First Tourism Office in CEE’, 30 May, режим доступа: http://en.cnta.gov.cn/focus/travelnews/201603/t20160307_762631.shtml. (дата обращения: 20.12.2016)].

Второй проект представляет собой смесь ЦВЕ 16 + 1 и ОПОП в области туризма. Венгрия, как член ЦВЕ 16 + 1, имела привилегию разместить в Будапеште с мая 2014 года Координационный центр по туризму стран Центральной и Восточной Европы в Будапеште с мая 2014 года. 4 марта 2016 года, Китайская национальная администрация по туризму открыла свой первый офис в регионе ЦВЕ в Будапеште и в скором времени начала рекламную кампанию под названием «Красивый Китай, Шелковый путь». Хотя эта программа была создана в конце 2015 года и получила широкое распространение во всей Евразии (Ранее в Турции, Италии и Казахстане и т. д.), Как региональный центр китайского туризма, Венгрия в конечном итоге будет играть важную роль в сотрудничестве в области туризма, которое часто называют Шелковым путем или проектом ОПОП. Венгерские политики, работающие в Брюсселе, предприняли дальнейшие шаги для укрепления позиций Венгрии в этом отношении. Комитет по развитию культуры и туризма в Европе Китая Китай ОБОР выступил в апреле 2016 года в

Культурном центре Китая в Брюсселе под председательством министра Европейского парламента Иштвана Ухельи, вице–президента Комитета по транспорту и туризму Европейского парламента.

Вывод: Несмотря на актуальность вышеупомянутых проектов, Китай не реализовал каких–либо явных стратегий для продвижения проекта ОПОП в Венгрии. Посольство Китая в Будапеште, как правило, держится в тени, и хотя посол Китая упоминает инициативу в своих речах или интервью, широкая публика почти ничего не знает о «Поясе и пути». Таким образом, в настоящее время все китайское сотрудничество 16 + 1 рассматривается как часть ОПОП китайской стороной. Исследовательские учреждения в Пекине обратились к венгерским исследователям и экспертам и включили их в различные сети ОПОП. Например, Центру азиатских исследований Центральной и Восточной Европы (в Будапеште) было предложено вступить в Международную ассоциацию мозгового центра «Шелковый путь». В целом, у Венгрии есть шанс стать одним из первых европейских бенефициаров крупного проекта, но венгерское правительство может сделать больше для использования всех потенциальных аспектов [Casarini N. 2016, p.133-350]. Конечно, размер венгерских компаний ограничивает возможности для сотрудничества с китайскими партнерами в гораздо более широких масштабах, но формулирование национальной китайской стратегии может поддержать усилия по формулированию венгерских интересов в отношении Китая и самого проекта ОПОП.

Италия считается центром Средиземного моря, которая считается пределом китайского 21–го века по Приморскому шелковому пути, и считается, что китайские лидеры считаются жизненно важными для реализации ОПОП. Итальянские порты и железнодорожные сообщения с рынками Центральной, Восточной и Северной Европы стали объектом пристального внимания итальянского правительства. Тем временем китайцы стремятся развивать возможности в области логистики и инфраструктуры для продвижения Шелкового пути на море. Однако в итальянских национальных

СМИ мало обсуждается вопрос о том, что представляет собой ОБОР Китая. Точно Также итальянские политики не очень хорошо осведомлены о китайской инициативе.

Сильный толчок к управлению внешней политикой Италии в прокитайском направлении, преобладающей над оговорками в итальянском министерстве иностранных дел. Сегодня компании, которые могут получить выгоду от проектов ОПОП и которые поэтому лоббируют итальянское правительство, – это компании, работающие в сфере логистики и инфраструктуры. Один конкретный проект привлек внимание китайских и итальянских деловых и политических лидеров с 2015 года: пятипортовая инициатива в северном Адриатическом море. Эта инициатива представляет собой флагманский проект ОПОП в Италии, так как он также является частью ряда других предложений, представленных правительством Италии своему китайскому коллеге во время их последнего двустороннего саммита в 2016 году.

В рамках «Шелкового пути на море» Пекин в настоящее время финансирует и строит сеть портов и других прибрежных инфраструктурных проектов, простирающихся от Южной и Юго–Восточной Азии до Восточной Африки и Средиземного моря. Китай инвестирует крупные суммы в реконструкцию и модернизацию железнодорожных систем в Южной и Восточной Европе [COSCO Shipping Ports (2016), ‘COSCO Pacific Limited Entered into a Share Sale and Purchase Agreement with Hutchison Port Holdings Limited for the Acquisition of Equity Interest in Euromax Terminal Rotterdam’, 13.May.режим доступа:http://www.coscopac.com.hk/en/news.php?action=content&class_id=6&id=385.(дата обращения: 20.12.2016)].

Как только эти проекты будут завершены, китайская продукция пойдет от Суэцкого канала, который недавно удвоил свои мощности, непосредственно в Пирей, сокращая время транспортировки Примерно от 30 до 20 дней. Аналогичным образом, итальянский маршрут будет включать как морские, так и наземные соединения. Китайские судоходные компании

хорошо зарекомендовали себя в итальянских портах Неаполя и Генуи, где и COSCO, и китайская судоходная компания инвестировали значительные средства. В итальянских СМИ мало обсуждается вопрос об ОПОП и его последствиях. Общественные дебаты Италии по этому вопросу пока сосредоточены на возможностях, которые проекты Шелкового Пути могут принести итальянской экономике. Несколько голосов, мужественных из местных СМИ и экологических НПО, вызвали озабоченность, особенно в отношении потенциальных экологических рисков, которые может иметь для пятизвездочного проекта, связанного со стыковкой гигантских грузовых судов, для такого города, как Венеция. До сих пор кажется, что аргумент делового сообщества выигрывает над экологическими проблемами [van der Putten F.P. 2009, p.180–184]. Однако по мере того как проект переходит на стадию реализации, вполне вероятно, что местные комитеты, состоящие из заинтересованных граждан и ассоциаций, будут созданы для противодействия этой инициативе, поскольку такая практика является довольно распространенной в Италии. Эти события наверняка окажут давление на политиков, которые, таким образом, будут вынуждены принять меры, оставляя открытой возможность пятипортовой инициативы ОПОП в северном Адриатическом море.

Вывод: Расположенная в центре Средиземного моря, Италия, по мнению китайских лидеров, является важным элементом в реализации ОПОП. Итальянские порты и железнодорожные сообщения с рынками Центральной, Восточной и Северной Европы стали в центре внимания итальянского правительства, и китайцы стремятся использовать возможности в области логистики и инфраструктуры для продвижения Шелкового пути на море. Тем не менее, в национальных СМИ Италии не так много дискуссий относительно того, что такое «Пояс и путь» Китая, и что это влечет за собой. Аналогичным образом, итальянские руководители, похоже, не очень хорошо осведомлены о китайской инициативе. Деловое сообщество – особенно

некоторые крупные частные предприятия и контролируемые государством компании – находится на переднем крае продвижения ОПОП в Италии.

Нидерланды входят в число крупнейших торговых партнеров Китая в ЕС. Большая часть китайско–голландской торговли состоит из транзитной торговли: почти две трети импорта из Китая и одна треть голландского экспорта в Китай являются транзитной торговлей.⁵⁶ Германия является основным источником и местом назначения для этих торговых потоков. Торговля с Китаем имеет большое значение для порта Роттердам, который играет решающую роль в экономике Нидерландов. Импорт из Китая составляет четверть всех товаров, прибывающих контейнером в Роттердам. Аэропорт Схипхол в Амстердаме, четвертый по величине аэропорт в Европе, также вносит свой вклад в работу центра Нидерландов. За последние несколько лет Схипхол, который имеет прямые связи с различными китайскими городами, выиграл от роста воздушных перевозок из Нидерландов в Китай [Kaliński A. (2016), 'Kutno na Jedwabnym Szlaku [Kutno on the Silk Road]', 29 May 2016, режим доступа: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Kutno-na-Jedwabn-Szlak7399950.html>.(дата обращения: 24.12.2016)].

С начала 1990–х годов под названием «Новый Евразийский сухопутный мост» китайские СМИ продвигают идею прямого соединения грузовых поездов между Ляньюнганом на восточном побережье Китая через Казахстан в Роттердам. Ярким аспектом, с голландской точки зрения, является тот факт, что порт Ляньюньган и первые несколько сотен километров железнодорожной инфраструктуры, прилегающей к Ляньюнгану, были первоначально построены и частично финансировались голландским Фирмами и инвесторами между 1921 и 1937 годами. Несмотря на историческую связь с Ляньюньганом, Новый Евразийский наземный мост никогда не вызывал большого энтузиазма в Нидерландах, и до недавнего времени роль Роттердама как западной конечной точки сухопутного маршрута оставалась просто символической. Однако сейчас это меняется

[Sarek Ł. (2016), 'Wyboje na Jedwabnym Szlaku [Potholes on the Silk Roads]', *Obserwator Finansowy*, 27 January, режим доступа: <https://www.obserwatorfinansowy.pl/tematyka/makroekonomia/wyboje-na-jedwabnym-szlaku/>. (дата обращения: 21.12.2016)].

Входящие поезда из Чэнду, находящиеся в Центральном Китае, содержат бытовую электронику таких компаний, как Sony, Samsung и Fuji, в то время как исходящие поезда из Тилбурга несут разнообразные товары, включая продукты для нефтяной промышленности, автомобили, вино и деревья. Российские санкции на европейскую сельскохозяйственную продукцию являются препятствием для увеличения количества грузов в поездах, направляющихся в Китай, которые проходят через Россию.

Помимо центрального правительства Нидерландов, голландские региональные и местные органы власти также играют определенную роль в отношении Шелкового пути. С точки зрения бизнеса различные секторы уделяли внимание Шелковому пути. Голландские компании, занимающиеся строительством портов и управлением портами, заинтересованы в потенциальных новых возможностях для бизнеса в третьих странах, в частности за пределами Европы. В то же время они с осторожностью относятся к усилению конкуренции со стороны китайских коллег в Азии и Африке. Различные голландские банки проводят оценку потенциальных рисков и возможностей для своего бизнеса, например, в области торгового финансирования. Голландский аграрный сектор изучает возможности использования новых железнодорожных линий для увеличения продаж в Китай [Kušnířová M., 'Obchody medzi Čínou a Slovenskom ešte len štartujú. Rozhovor [Business between China and Slovakia is Only Starting: An interview]', *Sme*, 6 April 2016, режим доступа: <http://ekonomika.sme.sk/c/20131802/obchody-medzi-cinou-aslovenskom-este-len-startuju-rozhovor.html#ixzz48R2pB11t>. (дата обращения: 24.12.2016)].

Вывод: Нидерланды, являющиеся родиной крупнейшего в Европе порта, являются очевидным связующим звеном между Морским шелковым

путем и Экономическим поясом Шелкового пути, двумя главными компонентами инициативы Китая «Один пояс — один путь». В то время как осведомленность о Шелковом пути среди политиков, компаний и исследователей увеличивается, общий ответ Нидерландов был осторожным. Участие голландского правительства в инициативе «Шелковый путь» по-прежнему ограничивается главным образом его членством в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. Между тем китайское правительство, похоже, не считает Нидерланды одной из своих приоритетных стран в ЕС, когда речь идет о сотрудничестве на Шелковом пути. До сих пор акторы, наиболее активно реагирующие на новые возможности, являются китайскими и голландскими логистическими компаниями, а также китайским городом Чэнду.

Португалия играет важную роль в развитии событий, связанных с инициативой Нового Шелкового пути, поскольку инициатива ОПОП обычно упоминается в Португалии.

Можно утверждать, что любое развитие, связанное с ОПОП в Португалии, можно ожидать, опираясь на существующие сильные стороны, а именно с точки зрения инвестиций. Китайский ПИИ в Португалии зарегистрировал значительный рост за последние пять лет, главным образом потому, что китайские инвесторы использовали, с одной стороны, проприватизационную позицию португальского правительства, а с другой стороны, мостовую роль, которую Португалия может играть с Китаем, Африкой и Латинской Америкой из-за колониальной истории [Agência para o Investimento e Comércio Externo de Portugal (AICEP), AICEP homepage, Digital Library, Document Explorer, режим доступа: <http://www.portugalglobal.pt/PT/Biblioteca/Paginas/Homepage.aspx> (дата обращения 12.12.2016)].

До сих пор в Лиссабоне, по-видимому, не хватает восприятия, не говоря уже о стратегическом мышлении, по инициативе ОПОП. Власти Португалии не представили никаких заявлений, деклараций или письменных

документов. Это указывает на то, что в правительственных учреждениях Португалии царит молчание [Breda Z. 2015, p.212-256].

Таким образом, несмотря на данные, свидетельствующие о том, что морское измерение является важным активом для Португалии, использующей инвестиции, ориентированные на ОПОП, у португальских политиков, по-видимому, отсутствует какая-либо стратегическая концепция по этому вопросу. Это утверждение можно извлечь из анализа национальной политики и документов планирования, которые показывают полное отсутствие каких-либо ссылок на ОПОП (или даже Китай). Официальные лица Китая не скрывают растущий интерес к включению порта Синеш в инфраструктуру морского Шелкового пути. Они признают свою актуальность для укрепления связей между Китаем, Западной Европой и Африкой.

Вывод: Китай уделяет особое внимание ведущей португальской инфраструктуре обработки грузов – порту Синеш, утверждая, что эта инфраструктура, скорее всего, станет первым проектом, связанным с OBOR в Португалии. Однако португальскому правительству не хватает активной стратегии в отношении инициативы ОБОР, несмотря на стремление Китая привести Португалию в игру. Таким образом, Португалия рискует занять активную позицию, пытаясь компенсировать отсутствие стратегического подхода, полагаясь на дружескую атмосферу, которая знаменует собой историю двусторонних отношений с Китаем, а также недавние значительные изменения в торговле и инвестициях.

Прежде чем углубиться в детали того, как инициатива Китая «Один пояс — один путь» развивается с испанской точки зрения, важно выделить некоторые общие моменты. Несмотря на то, что инициатива мало известна, она привлекла значительное внимание со стороны политических и экономических элит в **Испании**. Кажется, что Новая Испания (Новый шелковый путь), представит возможности для бизнеса в трех конкретных секторах, где Испания имеет сравнительные преимущества: строительство и управление крупными инфраструктурными проектами; Культурный туризм

из Азии; Экспорт сельскохозяйственной продукции в Китай. Компании в этих секторах уже начали позиционировать себя, чтобы понять потенциальные возможности. Общее Эти деловые возможности могут появиться как в Испании, так и в Китае, но также и в третьих странах. Начиная с Испании, стоит упомянуть, например, возможную коммерциализацию туристических маршрутов с культурной и географической привязкой к древнему Шелковому пути. [La Vanguardia, 2016, P.67].

Тем не менее, испанские власти используют импульс, созданный ОПОП для активизации переговоров со своими китайскими коллегами по достижению торговых соглашений, связанных с продуктами, которые могут перевозиться на поезде. Благодаря успешным дипломатическим усилиям по изменению фитосанитарных правил Испания стала первой страной в Европе, которая разрешила экспортировать сливы и персики в Китай, и ведутся переговоры о заключении подобных сделок для других продуктов. В настоящее время власти Испании ведут переговоры по конкретным протоколам со своими китайскими коллегами [Expansión, 2015, P.53].

Если будет подписано больше этих протоколов, поездка на поезде в Йисиньо может стать прибыльным делом, как только будут решены две дополнительные проблемы: во-первых, российские экономические санкции на сельскохозяйственную продукцию ЕС, которые препятствуют транзиту через Россию сельскохозяйственной продукции из стран ЕС в Китай; И, во-вторых, непомерные затраты на использование изотермических вагонов – около 20 000 долл. США каждый, поскольку в китайских нормативных актах разрешены только изотермические контейнеры с дизельным двигателем, которые намного дороже, чем их альтернативные варианты с электроприводом. Как упомянуто выше, хотя и не имеет прямого отношения к китайскому проекту ОПОП, следует отметить еще две инициативы. Во-первых, это новые инвестиции в испанские средиземноморские порты.

Несколько испанских министерств и официальных учреждений выделили некоторых своих исследователей для наблюдения за развитием

событий в рамках инициативы ОБОР, и правительство Испании начало включать в свою официальную повестку дня с Китаем связанные с OBOR темы. Благодаря различным событиям и информационным семинарам в Испании и Китае испанское правительство начало продвигать идею о том, что ОПОП предлагает бизнес-возможности для нескольких секторов испанской экономики. Например, в июне 2016 года испанское торговое представительство в Пекине организовало семинар по Шелковому пути для испанских компаний, специализирующихся на строительстве и управлении инфраструктурами. Это одна из причин того, почему Испания довольно быстро стала одним из основателей АБИИ, который она всегда воспринимала как ключевой столп ОПОП.

С другой стороны, некоторые из связанных с ОПОП возможностей, таких как заинтересованность Китая в инвестировании в средиземноморские порты, подвергаются сомнению в связи с их потенциальными рисками. Несмотря на то, что в Испании находятся два оживленных грузовых порта в Средиземном море, Альхесирас и Валенсия, сделка на сумму 3,3 млрд. Долл. США, направленную на строительство морского порта в Черчелле, Алжир, показывает, что Китай выбрал Алжир, а не Испанию в качестве своей морской платформы в Западной части Средиземного моря. Этот новый порт будет конкурировать с испанскими портами за трафик с длинных трансокеанских маршрутов и снизит роль испанских портов в качестве платформ перераспределения для Северной Африки [Honggang W. 2011, №4].

Поскольку бизнес и правительство Испании усилили интерес к ОПОП, в Испании начали освещать эту тему. Большая часть освещения фокусируется на экономической стороне проекта ОПОП, но геополитические и геостратегические аспекты также выходят на первый план. Интересно, что до сих пор было очень мало статей по этой теме, и те, которые были опубликованы, имеют тенденцию оценивать ОПОП с положительной стороны. Признанные во всем мире испанские политические деятели, такие как Хавьер Солана, Ана де Паласио и бывший президент Хосе Луис Родригес

Сапатеро, приветствовали ОПОП как усилия Китая по сближению Китая и Европы. Наконец, следует также отметить, что правительство Валенсии присоединилось к Программе Шелкового пути Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры и Всемирной туристской организации. Валенсия была назначена координатором программы Шелкового пути и выбрана в качестве «Города шелка». Целью является привлечение азиатских туристов, которые больше интересуются культурой и гастрономией, чем солнцем и пляжи. Этот тип туризма менее сезонный и имеет более высокую пропускную способность. Валенсия и другие исторические испанские города – такие как Гранада, Кордова, Севилья, Мурсия и Толедо – традиционно были местами для производства и распространения шелка, а это значит, что некоторые из новых культурно-туристических маршрутов могут привлечь будущих азиатских и особенно китайских туристов им. Кроме того, посольство Китая в Испании и правительство Иу очень активно продают инициативу ОПОП в Испании [Javier S., 2015, P.56].

Как уже упоминалось выше, Мадрид был вторым городом, который организовал официальный Форум по Шелковому пути после Стамбула. Расположение этих двух форумов не похоже на случайное совпадение. Стамбул имеет важное геостратегическое положение между Китаем и Европой, и Мадрид можно рассматривать как последний евразийский участок ОПОП, поскольку Испания является шлюзом для Атлантики и западного Средиземного моря, с двумя самыми загруженными портами во всем Маре Нострум.

Вывод: Подводя итог можно сказать, что ОПОП далеко не является приоритетом для испанского правительства или испанского гражданского общества, и его непосредственное влияние на Испанию далеко не ясно. И все же инициатива ОПОП с интересом следит за некоторыми кварталами администрации Испании, деловыми кругами и научными кругами, где испанские актеры больше заинтересованы в возможностях

бизнеса, которые может предложить ОПОП, чем в геостратегическом воздействии Инициативы.

Экономическое значение Китая для **Швеции** является существенным, поэтому ожидается, что такой проект, как инициатива «Пояс и путь», повлечет за собой большой интерес как у шведских политиков, так и у деловых кругов. Швеция в конечном итоге стала учредительным нерегиональным членом АБИИ. Это свидетельствует об осторожном выжидательном подходе. Хотя Китай действительно приветствовал решение Швеции, тот факт, что он присоединился в последний возможный день, не стал сигналом поддержки Швецией АБИИ. Неудивительно, что Швеция, таким образом, не является приоритетной страной в рамках сотрудничества АБИИ с точки зрения Китая, как из-за размера Швеции, так и из-за отсутствия серьезной приверженности [Weissmann's research was funded through a grant from the Marianne and Marcus Wallenberg Foundation (Grant No. MMW 2013.0162). режим доступа: <http://www.ui.se/powershift/>.(дата обращения: 01.01.2017)].

Фактически, по данным шведского МИДа, в Швеции нет проектов ОПОП. Китайцы, в свою очередь, несмотря на то, что они несколько более позитивны, могут лишь идентифицировать несколько проектов ОПОП, сославшись на запланированное шведское строительство высокоскоростной железной дороги и два частных проекта ветряной мельницы. Несмотря на то, что Швеция не является одной из самых важных стран для Китая в рамках инициативы «Шелковый путь», Китай видит большой потенциал для расширения сотрудничества, если Швеция решит более активно участвовать в ОПОП. Целевая группа Китая, когда дело доходит до продвижения ОПОП в Швеции, в основном это политики. По данным посольства Китая, большинство контактов в ОПОП в Швеции, однако, до сих пор происходили между китайскими компаниями и различными правительственными агентствами Швеции. Иногда также упоминается важность обмена

студентами и расширения культурных обменов в качестве важной части шведско–китайских отношений.

Удивительно мало было написано в шведских СМИ о том, как Китай повлияет на Швецию или какие возможности инициатива может повлечь за собой для шведского делового сектора. За последний год были написаны некоторые новостные статьи, но они сосредоточились только на инициативе на общем уровне, а не на политических и экономических последствиях для Швеции. Это впечатление разделяют китайцы. По их мнению, шведские СМИ мало знают об инициативе. Они также отмечают, что до сих пор не было опубликовано никаких пространственных шведских отчетов об ОПОП, которые объясняют, почему знание инициативы ограничено в Швеции [Weissmann's research was funded through a grant from the Marianne and Marcus Wallenberg Foundation (Grant No. MMW 2013.0162). режим доступа: <http://www.ui.se/powershift/>.(дата обращения: 01.01.2017)].

Шведские компании, ориентированные на Центральную Азию и Китай, полностью осведомлены об этой инициативе и ее возможностях, и они внимательно следят за ней, чтобы понять, какие последствия это может иметь для их бизнеса. Они считают, что Китай может оказать положительное влияние на торговлю между Азией, Центральной Азией и Европой. Тем не менее, ясно, что шведское деловое сообщество все еще ждет, появятся ли у них новые возможности для бизнеса в связи с инициативой. Несмотря на согласие с тем, что шведское бизнес–сообщество более позитивно, чем политики Швеции, и отмечая, что деловые люди «всегда заинтересованы в получении информации об ОПОП», китайская сторона выявила проблемы при попытке перейти к реальным проектам. Ясно, что бизнес–сообщества предпочитают видеть политику и конкретные меры, которые приносят им пользу, а не неопределенные инициативы.

Китайцы считают, что это вредит сотрудничеству, поскольку они считают, что могли бы достичь беспроигрышной ситуации, если бы могли развивать всестороннее партнерство. Излишне говорить, что перспективы

двух сторон далеки друг от друга. По мнению шведских ученых, ОПОП – это общая инфраструктурная инициатива, направленная на укрепление экономики Китая, которая в настоящее время испытывает большие трудности. Однако, шведские исследователи также подчеркивают политические аспекты проекта. Несмотря на то, что проект воспринимается как трудный, Швеция пока слишком мало сделала относительно АБИИ.

Шведские агентства, работающие с Китаем, в основном это шведское министерство иностранных дел, Business Sweden и Growth Analysis, входящее в состав Шведского агентства по анализу политики роста, которые работают под эгидой шведского правительства в качестве научно–инновационного офиса. Посольство Швеции в Пекине организовало ряд семинаров по АБИИ, совместно с анализом экономического роста. Официальных соглашений об ОПОП между правительством Швеции и Китаем и соглашений об инициативе между шведскими компаниями и китайскими компаниями нет. В Швеции нет национальной стратегии по борьбе с ОПОП, и, по мнению шведского МИДа, такая стратегия не нужна [China–Swedish Relation's: Different view. p123].

Вывод: Учитывая экономическое значение Китая для Швеции, следует ожидать, что такой проект, как инициатива «Пояс и путь», повлечет за собой большой интерес среди шведских политиков и деловых кругов. Однако этого не произошло, поскольку ответ до сих пор был разнообразным и часто осторожным. Фокус среди лиц, определяющих политику Швеции, и деловых кругов был подотчетным, поэтому влияние ОПОП в Швеции было очень ограниченным. Деловое сообщество Швеции несколько более оптимистично, особенно в отношении возможностей в Центральной Азии, в то время как разработчики политики в целом не видят ничего нового в проекте ОПОП [China–Swedish Relation's: Different view. p123]. В заключение сделано очень мало; Многое могло и должно было быть сделано. Существует большая потребность в сильном руководстве и руководстве, если Швеция не собирается слишком сильно отставать от других стран в отношении ОПОП.

Британское правительство, деловые организации и компании, а также университеты и научно–исследовательские институты, заинтересованные в Китае, активно отреагировали на эту инициативу. Китайское правительство также включило эту инициативу в свой двусторонний подход к отношениям с Великобританией, хотя и в качестве одного из широкого круга тем для обсуждения между двумя странами. В контексте двусторонних отношений, которые обе стороны охарактеризовали как вступившие в «золотую эру» после государственного визита президента Си Цзиньпина в Великобританию в октябре 2015 года, заметный сдвиг от 18–месячного периода с 2012–2013 годов, когда официальные контакты на высшем уровне были приостановлены после встречи премьер–министра с Далай–ламой. На момент написания статьи влияние референдума на голосование в июне 2016 года по вопросу о выходе из Европейского союза остается неопределенным, однако участие Великобритании, с инициативой Китая «Пояс и путь» говорит кое–что о развитии отношений между Великобританией и Китаем, а также о потенциале для развития и реализации самой инициативы [UK government (2016), ‘Consul General’s speech at Fund Forum Asia 2016’, 19 April, режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/consul-general-s-speech-at-fund-forum-asia-2016>. (дата обращения: 02.02.2017)].

Ответ британской стороны был скоординирован британским министерством финансов, министерством иностранных дел по делам Содружества и дипломатической сетью Великобритании в Китае, а также бизнес–ассоциациями, такими как Деловой совет Китая в Великобритании. Казначейская поддержка «Пояса и пути» была наиболее заметной благодаря визиту Джорджа Осборна в провинцию Синьцзян в рамках визита в Китай в сентябре 2015 года. Поездка канцлера помогла подготовить почву и задать тон для китайцев Государственный визит президента Си Цзиньпина в Великобританию в октябре 2015 года. Путешествие в Синьцзян было спорным, учитывая чувствительность к правам человека и проблемы безопасности там, но визит Осборна состоялся , что продемонстрировало

поддержку инициативы. Затем Великобритания подала заявление о присоединении к АБИИ в марте 2015 года, опять же возглавляемое Казначейством в Лондоне, чье публичное заявление перед другими европейцами было использовано для направления политического сообщения о поддержке Пекину для учреждения, которое Великобритания считает полезным в долгосрочной перспективе экономического развития Азии [China–Britain Business Council (2015), ‘One Belt, One Road’, September, режим доступа: <http://www.cbbsc.org/sectors/one-belt,-one-road/> (дата обращения: 20.01.2017)].

Основная логика, лежащая в основе желания участвовать в инициативе «Пояс и путь», заключается в том, что она может предоставить возможности для британских компаний и для сектора финансовых услуг, в частности в Лондоне. Предполагаемые коммерческие возможности заключаются, прежде всего, в возможности сотрудничества с китайскими компаниями на третьих рынках по всему маршруту. Через «инфраструктурный альянс» с Китаем Великобритания надеется стать центром для финансирования «Пояса и пути». Возможности финансового сектора могут возникнуть в усиленной роли лондонского сообщества по управлению активами, если инициатива «Пояс и путь» приведет к широкому использованию юаня для инвестиций и торговли за пределами Китая. Сравнения с подходом в Гонконге отражают сходство между двумя экономиками, и британское правительство, будет искать возможности для работы с Гонконгом.

Это говорит о том, что текущее коммерческое сотрудничество между Великобританией и Китаем было пересмотрено в рамках «Пояса и пути», а не по инициативе, стимулирующей совершенно новые сделки [China–Britain Business Council (2015), ‘One Belt, One Road’, September, режим доступа: <http://www.cbbsc.org/sectors/one-belt,-one-road/> (дата обращения: 20.01.2017)]. Поэтому трудно определить проекты ОПОП как таковые, хотя небольшое число – например, предоставление Immarsat услуг спутниковой связи в регионе ОПОП – было явно связано с этой инициативой.

«Пояс и путь» используется в качестве символической «платформы» для дальнейшего развития торговых связей между Великобританией и Китаем. Несмотря на очевидное внимание, уделяемое инициативе в дискуссиях о развивающейся глобальной стратегии Китая, эта схема, как представляется, не получила особого внимания китайских официальных лиц в их отношениях с Великобританией [Tim Summers (2016), 'Brexit and the UK's China Challenge', Chatham House, 5 August, режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/brexit-and-uks-china-challenge>. (дата обращения: 03.02.2017)].

Вывод: В заключение стоит сказать, что: во-первых, способность географически периферийного Соединенного Королевства активно и потенциально плодотворно взаимодействовать с инициативой в Китае – и АБИИ, часть полномочий которой заключается в поддержке «Пояса и пути», – указывает на то, что сама инициатива является открытой и гибкой по характеру и не ограниченной географией.

Во-вторых, первоочередное внимание, уделяемое экономическому и коммерческому участию в реакции Соединенного Королевства на инициативу «Пояс и путь» и АБИИ, отражает растущий акцент, уделяемый этим направлениям в британско-китайских отношениях в последние годы, а также более широкий поворот к коммерческой дипломатии во всей внешней политике Великобритании с 2010 года. Это влияет на цели и приоритеты работы офиса иностранных дел по делам Содружества, а также замечено в той роли, которую Казначейство играло в политике в отношении Китая, и может быть размещено в Контексте растущего внимания Великобритании к развитию связей с новыми державами [Ferchen M. The Chinese Regulatory State Debate: Competing Models of China's State-Economy Relations, paper submitted to Cornell University Department of Government. 2007. Spring режим доступа: https://www.academia.edu/5123828/_The_Chinese_Regulatory_State_Debate_Competing_Models_of_Chinas_State-Economy_Relations. (дата обращения 05.06.2017)].

Учитывая эти приоритеты, более важный вопрос, который должна задавать Великобритания, – это не сама по себе инициатива «Пояс и путь», а устойчивость роста экономики стран Шелкового пути, и, следовательно, должен ли этот регион быть в центре внимания Коммерческих усилий Великобритании. Международная стратегия после Брексита будет частично зависеть от того, как британское правительство решает эти вопросы.

В третьих, позитивное участие Великобритании в этой китайской инициативе демонстрирует прагматичный и открытый ответ на рост китайского влияния в глобальных делах, особенно в экономической сфере, и, таким образом, на способность Китая играть все возрастающую роль в определении международной повестки дня. Это не оспаривается в Великобритании, и существуют элементы противовесов для разработки политики, которые предполагают, что политика Великобритании в отношении Китая еще не достигла стабильного стратегического пути – смешанные сообщения в первые дни нового правительства референдума после Брексита подчеркивают это. Однако в отличие от часто подозрительного и нервного ответа на китайские инициативы от традиционных союзников и партнеров из Великобритании, таких как США и Япония, участие Великобритании в инициативе «Пояс и путь» свидетельствует о том, что Великобритания склоняется к открытости к в которой Китай играет более влиятельную и активную роль.

Рассматривая **социально–культурный** аспект в целом, стоит сказать, что на сегодняшний день Китай и ЕС имеют огромный потенциал в развитии данного направления.

Китай и ЕС и активно развивают сотрудничество в области образования и культуры между собой. Расширяют обмены между студентами и учеными и содействуют дружбе и взаимопониманию между молодыми студентами из Китая и Европы. Активизируют сотрудничество в преподавании китайского и европейских языках. Поддерживают создание центров китайских исследований и центров европейских национальных и региональных

исследований в европейских и китайских высших учебных заведений.

Продолжать укреплять взаимодействие и обмены между правительственными ведомствами, осуществляют сотрудничество по различным каналам и в различных формах с целью создания благоприятной среды общественного мнения для роста отношений между Китаем и ЕС.

КНР и страны ЕС укрепляют и расширяют консульское сотрудничество. Китай надеется, что ЕС сможет предпринять шаги для защиты безопасности и законных прав и интересов китайских граждан в Европе и упростить для граждан Китая возможность путешествий в Европу, в частности, упрощая процедуры получения визы, иммиграции и проживания [Tingyang Z. 2012, P.283]. Правительства стремятся к созданию китайско–европейского механизма сотрудничества в области туризма, изучают туристический рынок друг друга, поддерживают обмен туристической политикой. Государствам–членам ЕС настоятельно рекомендуется ускорить принятие китайского языка в качестве официального языка Всемирной туристской организации. А так же укрепляют сотрудничество в области выездного и въездного администрирования.

2.3 Перспективы Европейского направления внешней политики КНР в XXI веке

Возникновение Китая как новой экономической державы является одновременно возможностью и вызовом для ЕС. Сложность, связанная с урегулированием отношений между ЕС и Китаем с европейской стороны, проявляется в недостаточной согласованности институтов ЕС в определении двусторонних отношений ЕС и Китая. Независимо от того, как ЕС описывает свои двусторонние отношения с Китаем, кажется, что обе стороны не являются «стратегическими конкурентами», просто потому, что у них нет «стратегических» областей для борьбы. Та же точка зрения широко разделяется ЕС в своих политических документах по Китаю, в которых

подчеркиваются «долгосрочные отношения», «всестороннее партнерство», созревание партнерских отношений и «стратегические и устойчивые отношения». Важно подчеркнуть, что термин «партнерство» используется в широком смысле европейскими и китайскими властями в описании их двусторонних отношений. Внутренне природа ЕС как наднационального образования, так и межправительственной организации сделала отношения между ЕС и Китаем более сложными, чем любые двусторонние отношения между двумя национальными государствами [Su Changhe. 2014. №4]. Хотя политика наднационального Китая в ЕС важна, она переплетается с двусторонними отношениями Китая с отдельными государствами–членами. Противоречивые, политические и экономические повестки дня государств–членов делают отношения между ЕС и Китаем менее интенсивными, чем они должны быть. До сих пор европейская дипломатия в отношении Китая слишком сильно фокусировалась на национальных коммерческих интересах. Внешне отношения ЕС–Китай также подвержены сильному влиянию со стороны США. В то время как ЕС придает большое значение своим двусторонним отношениям с Китаем, он не может позволить себе (или не готов) ослабить десятилетний трансатлантический стратегический альянс. Поэтому углубление и расширение отношений между ЕС и Китаем будет продолжаться в тени отношений между ЕС и США.

Прогнозируя Европейское направление внешней политики Китая, стоит отметить, что Китай, как государство, с огромнейшим потенциалом развивается всесторонне, не ставя в приоритет отдельное географическое направление, или отдельные государства. Осенью 2012 года состоялся XVIII съезд КПК, который утвердил ключевые фигуры в партийном руководстве – прежде всего нового Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Из нынешнего состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК остались только Си Цзиньпин и Ли Кэцян. Чтобы определить перспективы развития отдельного направления внешней политики Китая, стоит сначала рассмотреть вопросы, возникающие перед всей внешней политикой государства в целом.

- Проблема сохранения Китаем в своей внешней политике своеобразного баланса между сдержанной политикой «развивающегося государства» и активной наступательной политикой рождающейся сверхдержавы.

- Варианты разрешения дилеммы в отношениях с Западом – когда, с одной стороны, от экономической глобализации Китай приобретает большие ресурсы для реформирования, а с другой – сталкивается с растущим политико–идеологическим давлением Запада.

- Возможности Китая и дальше дистанцироваться от известных предложений США «поделить мир».

- Какие ключевые внешнеполитические инструменты понадобятся новому руководству КНР для реализации и продвижения нынешней концепции внешней политики.

Рассматривая взаимоотношения КНР и ЕС, стоит отметить, что они продолжают развиваться уже более 40 лет. И партнерство становится всё более разносторонним (приложение 8). Конкретизируя интересы китайской внешней политики касаясь исключительно Европейского направления можно сказать, что с **одной стороны**, по экономическим и политическим причинам Китаю нужна сильная и объединенная Европа. Насыщение внутреннего рынка заставляет Китай искать возможности для использования своих избыточных мощностей и отправки товаров за границу. С политической точки зрения ЕС является одним из «полюсов» в многополярном мире, который поддерживается Китаем. Лучшим примером этого является то, что 14 стран–членов ЕС являются членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. С **другой стороны**, Китаю интересен слабый ЕС. Такой Европейский Союз менее склонен принимать неблагоприятные решения в отношении Китая. Как следствие, «Запад», воспринимаемый как препятствие для поднятия влияния Китая, потерял бы значимость. Слабый ЕС упростит достижение Китаем своих целей, уделив больше внимания двустороннему сотрудничеству с отдельными государствами.

С множественными кризисами в ЕС Китай предпочитает **второй подход**. Хорошим изображением этой точки зрения является оценка Китаем Брексита. С одной стороны, Брексит – плохая новость для Китая, особенно экономически. КНР обеспокоена потере доступа к рынкам в ЕС через Великобританию – крупнейшего получателя китайских инвестиций в Европе. Есть также опасения по поводу интернационализации китайской валюты, юаня. Лондон – единственное место в Европе, где проводятся оффшорные операции в юанях. Более того, после Брексита, Китай потеряет важного союзника в ЕС. Но, с другой стороны, Брексит ослабит ЕС и может дать Китаю шанс укрепить свою глобальную позицию. В этих условиях Китаю было бы легче продвигать свои собственные, вновь созданные правила в качестве альтернативы нормам и институтам, сформированным на Западе. В китайском дискурсе преобладает мнение, что Брексит является результатом слабости институтов ЕС, идеи европейской интеграции и западной демократии в целом, а также роста популизма и сепаратизма.

Рассматривая интересы ЕС, стоит отметить, что в ЕС также есть **два разных подхода**. С одной стороны, Союз пытается выработать согласованную политику в отношении КНР. Так, новая стратегия подчеркивает необходимость говорить единым голосом и укреплять сотрудничество и координацию политики с Соединенными Штатами, где в политике блока в отношении Китая доминируют интересы отдельных стран, которые составляют основу отношений между ЕС и Китаем. Политические цели ЕС в отношении Китая можно разделить **на экономические и нормативные**. С экономической точки зрения Китай – второй по величине торговый партнер ЕС после США – играет важную роль в качестве выгодного инвестиционного рынка. ЕС призывает Китай к дерегулированию и либерализации своего рынка, чтобы дать европейским компаниям те же условия, что и у китайских предпринимателей в Европе. Однако КНР по-прежнему поддерживает различные барьеры и не позволяет европейским компаниям участвовать в тендерах. Китай также поддерживает высокие

требования к поступлению, например, передачу технологии или создание совместных предприятий с китайским партнером. Для ЕС эти барьеры особенно остро обусловлены высоким дефицитом торгового баланса, который в 2015 году составил 180 млрд. евро. Именно поэтому ЕС неоднократно призывал Китай начать следовать принципу взаимности. ЕС также намерен привлечь китайские инвестиции. Есть также надежды на интерес к Плану Юнкера [Zhongqi P., 2012, P.267].

Проблемы, с которыми сталкиваются обе стороны, особенно экономические, могут усилить напряженность между ЕС и Китаем. Первая вспышка будет вопросом предоставления MES Китаю, что означало бы ослабление защиты рынка ЕС. ЕС не может позволить притоку дешевых китайских товаров заполнить рынок, так как из-за этого понесут потери отечественные производители. Между тем, ЕС надеется на либерализацию защитных мер на китайском рынке, которые Пекин не может выполнить. Не следует ожидать торговой войны, но есть возможность для большего количества действий, которые были бы символически или экономически принудительными с другой стороны. Примером этого является решение ЕС от 19 июля принять юридические меры в ВТО против экспортных ограничений Китая на сырье (например, графит, кобальт, хром и т. д.), которые важны для европейской промышленности. В будущем можно ожидать более протекционистских действий с обеих сторон.

Трудно достичь компромисса в нормативной области. Что касается проблемы Южно-Китайского моря, здесь отсутствие решения Китайского суда и обострения напряженности путем рассмотрения зоны идентификации ПВО и проведения регулярного патрулирования в спорных районах повышает риск инцидента, в том числе обострения конфликта, который ослабит Экономические отношения ЕС с Азией и заставить блок встать на сторону Запада. Кроме того, замечания ЕС на последнем саммите по правам человека осложняют взаимоотношения, особенно после недавних инцидентов, связанных с более жесткими репрессиями в Китае [Peng Y. 2014, №6].

КНР, вероятно, усилит лоббирование по ключевым вопросам, главным образом на уровне государств–членов. Вот почему государства–члены, сталкивающиеся с китайским дипломатическим наступлением на различные стимулы, такие как обещания инвестиций «Шелковый путь», должны более чем когда–либо учитывать контекст ЕС в отношениях с Китаем и лучше координировать свою политику с институтами ЕС.

Учитывая особенности двух блоков, можно выделить несколько сценариев, по которым будут складываться китайско–европейские отношения в ближайшем будущем. **Кризис MES** (Система управления производственными процессами) являет собой точку перегиба в отношениях между Китаем и ЕС. С практической точки зрения, признавая влияние на европейскую сталелитейную промышленность, Китай должен договориться с ЕС о специальном переходном периоде, чтобы справиться с избыточными мощностями стали таким образом, чтобы это не влекло за собой сброс стали в Европе и вытеснение производителей ЕС. Возможно, Китай и ЕС могут договориться о некоторых отраслевых соглашениях на переходный период к статусу рынка, в том числе в тех секторах, где Китай явно не работает в соответствии с рыночными сигналами. Это было бы беспроигрышным вариантом, поскольку Китай будет способствовать повышению эффективности, и ЕС сохранит рабочие места в течение уже долгого кризиса с рекордной безработицей [Naim M. 2015, P.433]. В качестве **второго шага** и после предоставления MES, Китаю и ЕС следует ускорить их ВІТ (Бизнес Информационные Технологии). Для этого ЕС должен расширить свои рынки для китайских инвесторов. Это позволило бы эффективно выполнить ВІТ. Следовательно, китайские инвестиции будут приветствоваться периферийными экономиками в Европе, такими как Греция и страны Восточной Европы. Поскольку китайские инвестиции помогут повысить доходы на периферии, напряженность между основным и периферийным ЕС будет снижаться. Разумеется, это не будет панацеей для политического будущего ЕС, но оно будет способствовать интеграции ЕС в политику Китая.

Следующим шагом должно стать участие Китая в соглашении о государственных закупках ВТО. Если Китай хочет участвовать в инфраструктурных проектах в ЕС, тогда компании ЕС должны иметь возможность конкурировать на равных основаниях для государственных закупочных проектов в Китае. Это справедливый и взаимный жест, который значительно облегчит торговые отношения [Cook M. Three Misunderstandings of China–ASEAN Economic Relations. — 2016. — March 10; режим доступа: <http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/three-misunderstandings-of-china-asean-economic-relations/>. (дата обращения 04.02.2017)].

Наконец, должен быть поднят вопрос о соглашении о свободной торговле между ЕС и Китаем. Обеим сторонам следует создать специальную команду для подготовки технико-экономического обоснования. Если бы Швейцария, Новая Зеландия, Австралия и Исландия – все развитые страны с высоким уровнем капиталовложений и услуг – почувствовали, что могут заключить договора с Китаем, то, безусловно, ЕС был бы подходящим кандидатом. Конечно, это приведет к многочисленным структурным выгодам и потерям в ЕС. Но вопрос о том, как эти выгоды и потери должны распределяться между его государствами, является внутренним делом ЕС. В конце концов, задача ЕС – установить свою внутреннюю политическую гармонию.

Самым рациональным суждением для отношений между Китаем и ЕС является преодоление препятствия MES с опорой на следующий уровень торгово-политического партнерства. Экономические модели будут сильно развиваться в течение всего этого столетия, поскольку машины все чаще превосходят экспертов, а не только рабочих [Baojun L. 2005, P.275]. В этих экономических условиях Китай и ЕС не конкурируют друг с другом, они действительно являются взаимодополняющими. MES не должна быть препятствием для интеграции рынков и хороших отношений. Рациональное суждение необходимо, чтобы превратить этот кризис в возможность.

Заключение

Обобщая всё вышесказанное, можно отметить, что в предстоящее десятилетие экономический подъем Китая, вероятно, приведет к возникновению трений с Европой и созданию потенциала для плодотворного сотрудничества. В некоторых областях Китай является важным актором, поскольку без него не может быть никакого значимого международного соглашения (например, это касается торговли и выбросов парниковых газов). Но в других областях Китай не является важным и остается младшим партнером по сравнению с США и Европой (это касается финансового регулирования, конкуренции и, тем не менее, все меньше и меньше — стандартов продукции). Таким образом, Европа могла легко поддерживать связь с США, чтобы сохранять и осуществлять лидерство в тех областях, в которых Китай по-прежнему слабее, в то время как Китай может поддерживать связь с США, чтобы завоевывать и осуществлять лидерство в тех областях, где он может стать более значительным игроком, чем Европа.

Вопрос для политиков с обеих сторон заключается в том, как предотвратить измерение размеров нулевой суммы и доминировать над ней. Для этого требуется высококачественный диалог, который признает потенциал трения, одновременно подчеркивая потенциал плодотворного сотрудничества. Нынешний уровень диалога не соответствует этому стандарту. По макроэкономическим вопросам Европа стала более последовательной, но позиция ее представителей не всегда подкрепляется государствами-членами, и ЕС слишком часто притворяется, что это не является частью решения текущих макроэкономических дилемм. Между тем, Китай, как правило, закрывается вместо определения своей среднесрочной макроэкономической стратегии. Что касается управления, то европейцы откладывают и демонстрируют несогласованность, в то время как Китай не указывает, каковы его условия для развития подлинной ответственности и доверия к институтам глобального управления. С обеих сторон настало время

приблизиться к краткосрочным и долгосрочным вопросам с большей ясностью и решимостью. Дискуссии на международных форумах, таких как «Группа двадцати», а также двусторонние консультации дают возможность улучшить качество диалога и сосредоточить внимание на вопросах, имеющих важное значение для двусторонней и глобальной деятельности. Эти возможности следует использовать.

Работа с таким всеобъемлющим стратегическим партнером, как Китай, требует подхода всего ЕС, который связывает деятельность Комиссии и других институтов ЕС. Государствам–членам следует укрепить согласованные позиции ЕС в их двусторонних отношениях с Китаем. Комиссия должна тесно сотрудничать с Европейским парламентом, который проявил себя как сильный сторонник эффективной политики ЕС в отношении Китая. ЕС должен придерживаться повестки дня сотрудничества с Китаем. Взаимные экономические и коммерческие интересы сильны, но не должны препятствовать тому, чтобы ЕС отстаивал свои ценности в своих отношениях с Китаем. Потребности Китая велики, и неспособность сотрудничать принесет неблагоприятные последствия для ЕС. Согласованность и сплоченность ЕС жизненно важны для решения важных политических задач и поддержания международного порядка, основанного на международном праве. ЕС должен стремиться к укреплению доверия и сотрудничества с Китаем на основе общих интересов. Однако отношения между ЕС и Китаем должны также учитывать реальность того, что Китай является однопартийной системой с господствующей государством моделью капитализма.

Следует активно использовать доступные механизмы координации ЕС, как в Брюсселе, так и на местах в Пекине. Необходимо активизировать диалог по развитию ЕС–Китай. Окружающая среда в настоящее время является главным приоритетом китайской политики, как это признано в последнем пятилетнем плане. ЕС должен опираться на это, чтобы создать позитивную общую повестку дня в таких областях, как борьба с

загрязнением воздуха, воды и почвы, устойчивое управление ресурсами океана. Количество и разнообразие диалогов между ЕС и Китаем является признаком разнообразия и жизнеспособности отношений между блоками.

Список используемых источников и литературы

Источники:

1. Чжунго юй новэй гуаньси вэйхэ лэнмо : [В чем причины охлаждения китайско–норвежских отношений?]. URL: <http://blog.ifeng.com/article/34984495.html>. (дата обращения: 03.03.2017).
2. Цзя Цинго. Китай втягивается в международные дела // 2015.№6. С 43.
3. Трехолт А. Серые зоны. Шпион, которого не было. М.: Международные отношения, 2005. С. 12–18.
4. Михайлов Ю.И. Китай и западноевропейская интеграция // Проблемы Дальнего Востока 1974. — №1. С 152–159.
5. Криворотов А.К. Политика государства как фактор конкурентоспособности арктических регионов: методология исследования, опыт Норвегии и уроки для России // отв. ред. Ф.Д. Ларичкин. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. С. 136—137;
6. Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв.редактор_составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 163, 170—171.
7. Институт Философии Российской Академии Наук. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0415.html> (дата обращения 14.02.2017).
8. Занегин Б.Н. Китай и Соединенные Штаты: мотивы и характер сближения // Проблемы Дальнего Востока 2009. — №4. С 53–66.
9. Виноградов А.О. Китай и страны Европейского Союза во втором десятилетии XXI века // КНР: политика, экономика, культура, 2013—2014 г., М.: ИДВ РАН, 2014;
10. Виноградов А.О. Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.
11. Виноградов А.О. Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и

- современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор_составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 132—140;
12. «Ren ming Ribao», 2016, 号 112 с.
 13. Agência para o Investimento e Comércio Externo de Portugal (AICEP), AICEP homepage, Digital Library, Document Explorer, URL: <http://www.portugalglobal.pt/PT/Biblioteca/Paginas/Homepage.aspx> (дата обращения 12.12.2016)].
 14. Baker B.D. Sino_Norwegian Relations, 5 Years After Liu Xiaobo's Nobel Peace Prize // The Diplomat. January 04, 2016; Norsk nei til Kina_radar på Svalbard.URL:http://www.nrk.no/troms/nekter_kina_radar_pa_svalbard_1.119276
 25. (дата обращения: 04.05.2017).
 15. Baojun L. Dangdai Zhongguo waijiao gailun [Introduction to China's Diplomacy
 16. Bellos I. (2016), 'Cosco Raises Investment Target for Piraeus', e-kathimerini, 7 July, URL: <http://www.ekathimerini.com/210213/article/ekathimerini/business/cosco-raises-investment-target-for-piraeus>.(дата обращения: 15.12.2016).
 17. Breda Z. (2015), 'Portugal-China Relations: A "Great Leap Forward" in the New Millennium', in Mikko Huotari, Miguel Otero-Iglesias, John Seaman and Alice Ekman (eds), Mapping Europe-China Relations: A Bottom-Up Approach,European Think-tank Network on China (ETNC), October.
 18. Can Europe Expect Trade Gains?', Bruegel working paper no. 5; Alessandro Arduino (2016), 'China's One Belt, One Road: Has the European Union Missed the Train?', RSIS policy report, March;
 19. Casarini N. (2016), 'When All Roads Lead to Beijing: Assessing China's New Silk Road and its Implications for Europe', The International Spectator, 51:4, December.
 20. CFIE (2016), 'The Belt and Road Industrial and Commercial Alliance',URL: <http://www.cfie.org.cn/2710757099819/2726451123930/15923/2883704102710.html>.(дата обращения: 15.12.2016).

21. China–Britain Business Council (2015), ‘One Belt, One Road’, September, URL: <http://www.cbbsc.org/sectors/one-belt,-one-road/> (дата обращения: 20.01.2017).
22. China–Swedish Relation's: Different view. p123
23. Communist Party's Roadmap for China's Global Resurgence, CSIS Report, March;
24. Cook M. Three Misunderstandings of China–ASEAN Economic Relations. — 2016. — March 10; URL: <http://knowledge.wharton.upenn.edu/article/three-misunderstandings-of-china-asean-economic-relations/>. (дата обращения 04.02.2017)
25. COSCO Logistics (2013), ‘COSCO Logistics Set Up Cross–Docking Center for Hewlett–Packard in Piraeus’, COSCO Logistics website, URL: http://www.cosco-logistics.com.cn/e_about%20us/news.jsp?newsid=95000620. (дата обращения: 12.12.2016).
26. COSCO Shipping Ports (2016), ‘COSCO Pacific Limited Entered into a Share Sale and Purchase Agreement with Hutchison Port Holdings Limited for the Acquisition of Equity Interest in Euromax Terminal Rotterdam’, 13 May. URL: http://www.coscopac.com.hk/en/news.php?action=content&class_id=6&id=385. (дата обращения: 20.12.2016).
27. DHL Group (2015), ‘Auf Schienen über die Seidenstraße [The Silk Road on Rails]’, URL: https://www.dpdhl.com/content/dam/dpdhl/ueber_uns/postforum/postforum-sep-2015.pdf. (дата обращения: 14.12.2016).
28. Djankov S. et al. (2016), ‘China's Belt and Road Initiative: Motives, Scope and Challenges’, PIIE Briefing 16:2, March;
29. Eerste spoordienst Nederland–China van start [First Netherlands–China Rail Service Launched]’, RailCargo, 3 October 2016.
30. Ekman A. (2016), ‘La Chine en méditerranée: un nouvel activisme’, Ifri, Politique étrangère, 81:4, December.
31. EU foreign policy. URL: http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html (дата обращения: 24.01.2017)

32. EU Parliament and government structure. URL: http://www.gr2014parliament.eu/Portals/6/PDFFILES/NA0113090ENC_002.pdf (дата обращения 15.02.2017)
33. Europe and China New Silk Road. 2016. p22.
34. European Union Treaties. URL: http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuId=FTU_6.1.1.html (дата обращения 13.03.2017)
35. Expansión (2015) “Zapatero describe como ‘oportunidad para Europa y Asia’ el tren España–China”, June 18
36. Ferchen M. China Keeps the Peace. — Foreign Affairs. — 2016. — March 8; URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-03-08/china-keeps-peace>. (дата обращения 12.12.2016.)
37. Ferchen M. The Chinese Regulatory State Debate: Competing Models of China’s State–Economy Relations, paper submitted to Cornell University Department of Government. 2007. Spring URL: https://www.academia.edu/5123828/_The_Chinese_Regulatory_State_Debate_Competing_Models_of_Chinas_State-Economy_Relations. (дата обращения 05.06.2017).
38. First ETNC report, Mapping Europe–China Relations: A Bottom–Up Approach, 2015,
39. Glass D. (2016), ‘The Ins and Outs of China Cosco’s Pireaus Deal’, Seatrade Maritime News, 15 April, URL: <http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/the-ins-and-outs-of-china-coscoss-pireaus-deal.html>. (дата обращения: 16.12.2016).
40. Guy de Jonquières (2016), ‘Xi Jinping’s Long Road to Nowhere? China’s OBOR Initiative and How Europe Should Respond’, ECIPE policy brief, 2;
41. Hannestad A. (2016), ‘Ingen lande bør opføre sig som en tyrann over for andre [No Country should Behave like a Tyrant over Others]’, Politiken, 9 March.
42. Harper J. (2016), ‘Danube–Oder–Elbe Water Corridor Project Gives Way to Smaller Water Canal Project on Oder’, Central European Financial Observer, 18 April, URL: <http://www.financialobserver.eu/poland/danube-oder->

- elbe–water–corridor–projectgives–way–to–smaller–water–canal–project–on–oder/.
(дата обращения: 12.12.2016).
43. Haug A. and Ehmann W. (2016), 'Chinas neue Seidenstraßen erschließen Grenzregionen' [China's New Silk Roads Open Up Border Regions], GTAI, 14 March. p 21.
44. Honggang W. How Can the U.S. and China Build a "Cooperative Partnership"? / "Contemporary International Relations". 2011. Vol. 21, No. 4
45. Huliaras A. and Petropoulos S. (2014), 'Shipowners, Ports and Diplomats: The Political Economy of Greece's Relations with China', Asia Europe Journal, 3/2014.
46. Huotari M. and Mayer M. (2015), 'China und globale Infrastrukturen', Welttrends, No. 105, July.
47. Interview with Czech President Zeman for the CCTV, 23 March 2016, URL: <http://newscontent.cctv.com/NewJsp/news.jsp?fileId=348257>. (дата обращения: 12.12.2016).
48. Jensen K. R. (2016), 'Kina sætter USA udenfor indflydelse [China Sets US out of Influence]', Politiken, 29 March.
49. Johnson C. K. (2016), President Xi Jinping's 'Belt and Road Initiative' – A Practical Assessment of the Chinese CNTA (2016), 'China Opens its First Tourism Office in CEE', 30 May, URL: http://en.cnta.gov.cn/focus/travelnews/201603/t20160307_762631.shtml. (дата обращения: 20.12.2016).
50. Kaliński A. (2016), 'Kutno na Jedwabnym Szlaku [Kutno on the Silk Road]', 29 May 2016, URL: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Kutno-na-Jedwabnym-Szlaku-7399950.html>. (дата обращения: 24.12.2016).
51. Köckritz A. (2014), 'Aufbruch auf der Seidenstraße [Departure on the Silk Road]', Die Zeit, 23 January, pp. 24–25.
52. Kušnířová Мю, 'Obchody medzi Čínou a Slovenskom ešte len štartujú. Rozhovor [Business between China and Slovakia is Only Starting: An interview]', Sme, 6 April 2016, URL: <http://ekonomika.sme.sk/c/20131802/obchody-medzi-cinou-aslovenskom-este-len-startuju-rozhovor.html#ixzz48R2pB11t>. (дата обращения: 24.12.2016).

53. La Vanguardia (2016) "China, La Nueva Ruta de la Seda", Dossier No. 60, April/June
54. Lidegaard Мю and Yi Wю (2015), 'Deepening China–Denmark Comprehensive Strategic Partnership and Building a Model for China–Europe Cooperation', joint article published in the Danish newspaper Jyllandsposten, 11 May, URL: <http://um.dk/en/about-us/the-ministers/speeches-and-articles-by-former-ministers/martin-lidegaard-speeches-and-articles/deepening-china-denmark-comprehensive-strategic-partnership/>. (дата обращения: 14.12.2016).
55. Lin C. (2016), 'China Drops Anchor in Mediterranean Ports', MERICS Blog, 25 May.
56. Lomová O. (2016), 'Czech–Chinese Honeymoon I: Will It Bring Economic Advantage or End in Security Risk?', The V4 Revue, 9 February, URL: <http://visegradrevue.eu/czech-chinese-honeymoon-part-i-will-it-bring-economic-advantage-or-end-in-security-risk/>. (дата обращения: 12.12.2016).
57. Müller–Markus C. (2016), "'One Belt, One Road": The Chinese Dream and its Impact on Europe', CIDOB notes internacionals 148, May;
58. Naim M. Rogue Aid. — Foreign Policy. — 2009. — October 15; см. также: Dreher A. et al. Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing From China to Africa. — AidData. — 2015. — October.
59. New Silk Road Institute Prague (NSRIP), URL: <http://nsrip.org/en/>. (дата обращения: 12.12.2016).
60. Norge oppmuntrer til kriminalitet. URL: http://www.nrk.no/nobel/_norge_oppmuntrer_til_kriminalitet_1.7335650. (дата обращения 03.03.2017).
61. Ole Damkjær (2015), 'Kinas nye udviklingsbank splitter Vesten [China's New Development Bank Splits the West]', Berlingske, 29 March, URL: <http://www.b.dk/globalt/kinas-nye-udviklingsbank-splitter-vesten>. (дата обращения 20.02.2017).
62. Overholt W. H.. President Nixon's trip to China and its consequences — "Asian Survey". Vol. XIII, 1973, July, №7, p.109.
63. Parelló–Plesner, Duchâtel. China's Strong Arm.

64. Peng Y. On the Changes in the International Order / «Contemporary International Relations». 2014. Vol. 24 No. 4
65. Pillsbury M. — The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. — Henry Holt. — 2015.
66. Pillsbury M. — The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. — Henry Holt. — 2015.
67. Portugal's Ministry of Economy (2014), The Strategic Plan for Transport and Infrastructure, 2014–2020.
68. Rasmus D. Nielsen and Britt Christensen (2015), 'Mogens Jensen: Det her er en stor mulighed i Asien [Mogens Jensen: Here is a Great Opportunity in Asia]', Politiken, 29 March.
69. Regjeringens Kina_strategi. Oslo, 2007. 19 pp.
70. Reischauer E. O. What We Should do next in Asia. "Look", vol. 31 №7, 4. IV. 2009, p.21.
71. Sarek Ł.(2016), 'Wyboje na Jedwabnym Szlaku [Potholes on the Silk Roads]', Obserwator Finansowy, 27 January, URL: <https://www.obserwatorfinansowy.pl/tematyka/makroekonomia/wyboje-na-jedwabnym-szlaku/>. (дата обращения: 21.12.2016).
72. Shen S. How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. — Diplomat. — 2016. — February 6, URL: <http://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/> (дата обращения 23.12.2016).
73. Shepard W. (2016), 'Why the China–Europe "Silk Road" Rail Network is Growing Fast', Forbes, 28 January. URL: <http://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2016/01/28/why-china-europe-silk-road-rail-transport-is-growing-fast/#5a7897407f24> (дата обращения: 14.12.2016).
74. Shixue J. (2015), 'Europe and China's "One Belt, One Road" Initiative', discussion paper presented at SWP–SIIS workshop in Shanghai, September.
75. Smith H. (2016), 'For Sale: Greek Islands, Hotels and Historic Sites', The Guardian, 30 May, URL:

<https://www.theguardian.com/world/2016/may/30/for-sale-greek-islands-hotels-historic-sites-stergios-pitsiorlas>.(дата обращения: 17.12.2016).

76. Stokes M. and Hsiao R. (2013), 'The People's Liberation Army General Political Department Political Warfare with Chinese Characteristics', Project2049.net, 14 October, URL: https://www.project2049.net/documents/PLA_General_Political_Department_Liaison_Stokes_Hsiao.pdf.(дата обращения: 12.12.2016).

77. Summers T. (2016), 'Brexit and the UK's China Challenge', Chatham House, 5 August, URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/brexit-and-uks-china-challenge>.(дата обращения: 03.02.2017).

78. Ten Years of China's "Go Abroad" Strategy: Results and Challenges / "Contemporary International Relations"

79. Tingyang Z. All-Under-Heaven and Methodological Relationism. An Old Story and New World Peace, in Contemporary Chinese Political Thought: Debates and Perspectives. Edited by Fred Dallmayr and Zhao Tingyang. Kentucky: The University Press of Kentucky. 2012. 283 p

80. Tonchev P. (2015), 'Greece and China: Discovering Each Other At Last?', Mapping Europe-China Relations: A Bottom-Up Approach, October.

81. UK government (2016), 'Consul General's speech at Fund Forum Asia 2016', 19 April, URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/consul-generals-speech-at-fund-forum-asia-2016>. (дата обращения: 02.02.2017).

82. van der Putten F.P. (2001), Corporate Behaviour and Political Risk: Dutch Companies in China, 1903-1941 (Leiden: CNWS), pp. 172 and 180-184.

83. van der Putten F.P. (2016), 'Greece: Piraeus and the Maritime Silk Road', in Frans-Paul van der Putten (ed.), The Geopolitical Relevance of Piraeus and China's New Silk Road for Southeast Europe and Turkey, Clingendael Report, December.

84. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road', March 2015 URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html. (дата обращения: 12.12.2016).

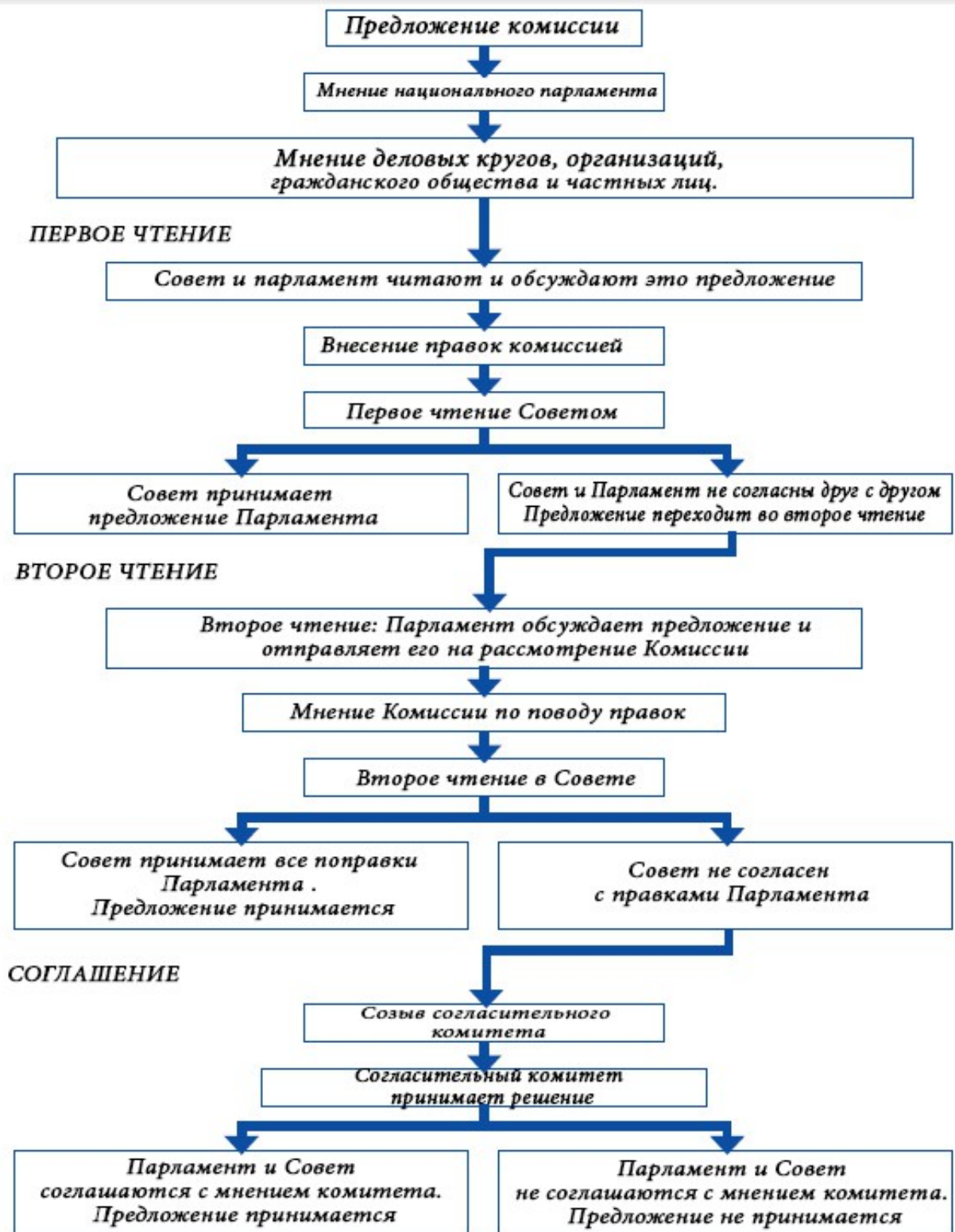
85. von Hooft N. (2016), 'Industrieterrein Tilburg nu ook met de elektrische trein bereikbaar: "78.000 minder vrachtwagens" [Tilburg Industrial

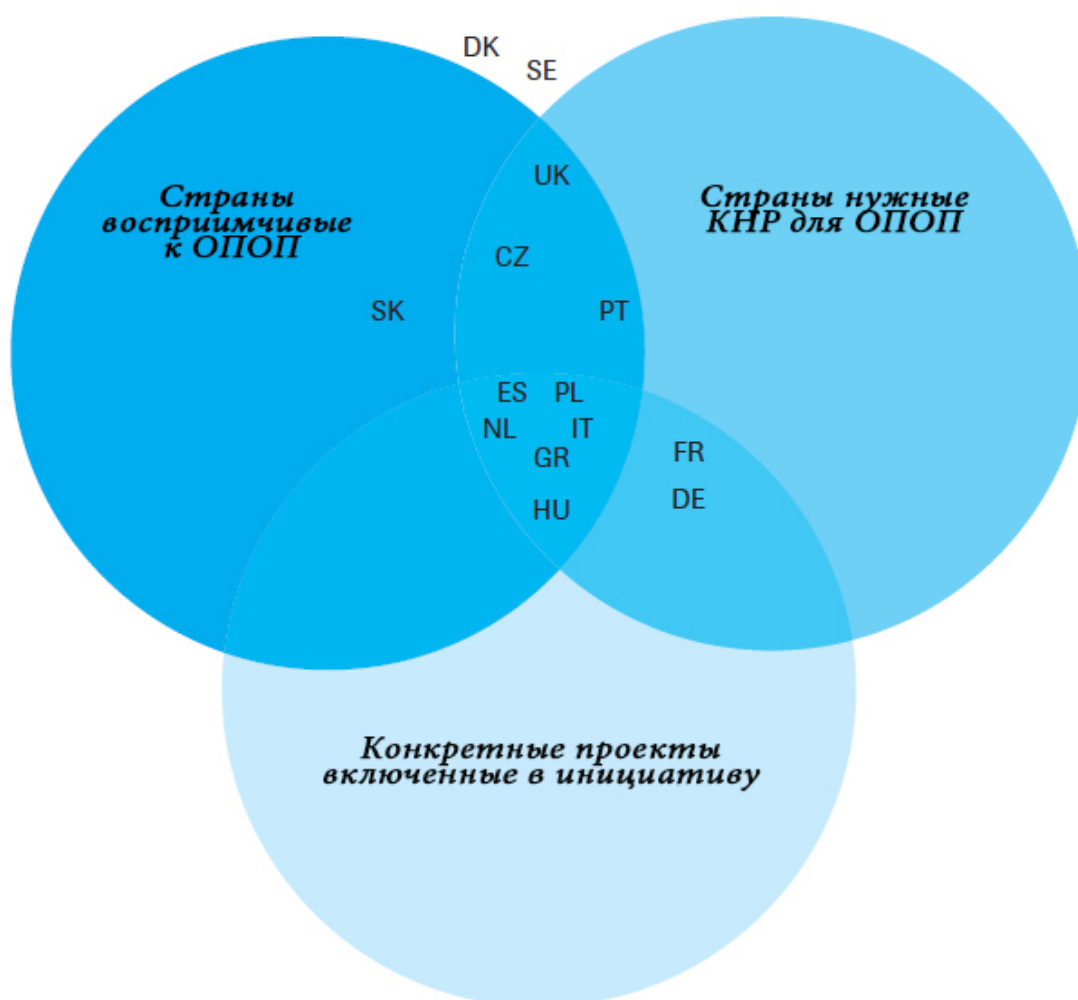
Zone Now Also Accessible by Electric Trains: “78,000 Fewer Cargo Trucks”], Omroep Brabant, 24 February, URL: <http://www.omroepbrabant.nl/?news/244902702/Industrieterrein+Tilburg+nu+ook+met+de+elektrische+trein+ber+eikbaar+78.000+minder+vrachtwagen.aspx>.(дата обращения: 05.02.2017).

86. Weissmann’s research was funded through a grant from the Marianne and Marcus Wallenberg Foundation (Grant No. MMW 2013.0162).URL: <http://www.ui.se/powershift/>.(дата обращения: 01.01.2017).

87. Xuejun W. Developmental Peace: Understanding China’s Africa Policy in Peace and Security. — Global Review, 2014.

88. Zhongqi P., Conceptual Gaps in China–EU Relations: Global Governance, Human Rights and Strategic Partnerships. Palgrave Macmillan. 2012. 267 p

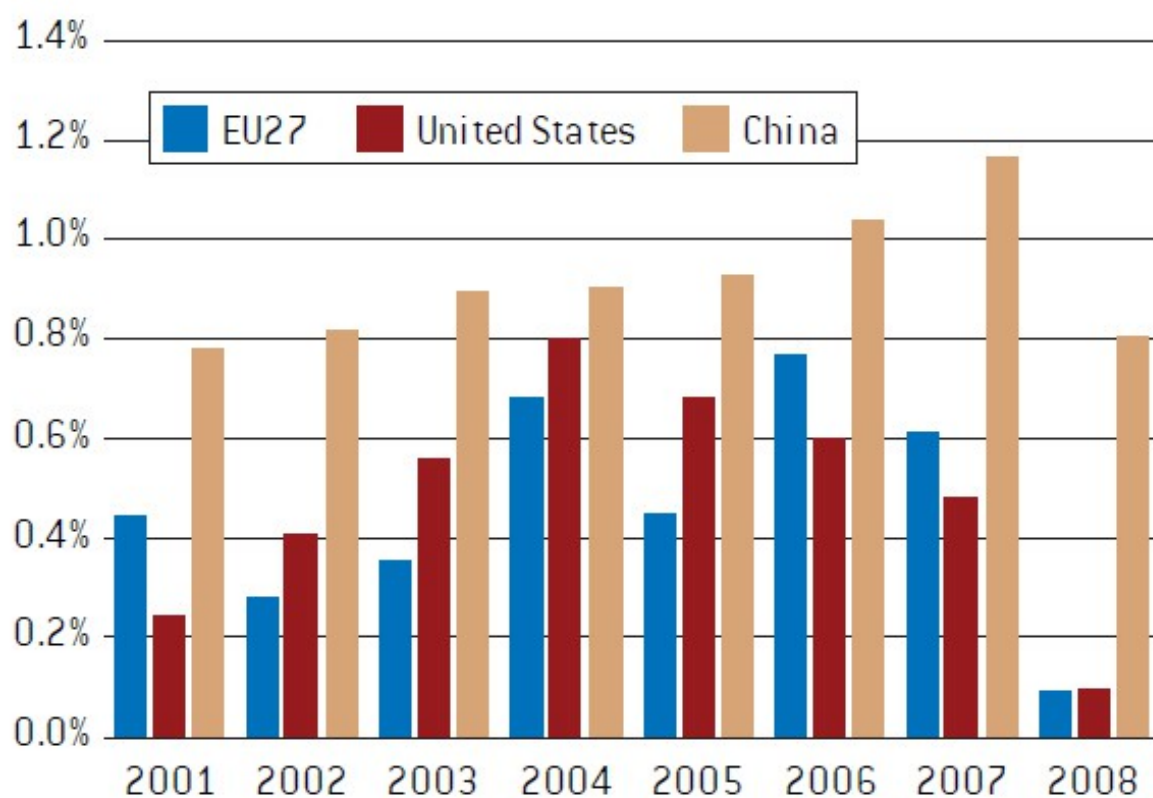

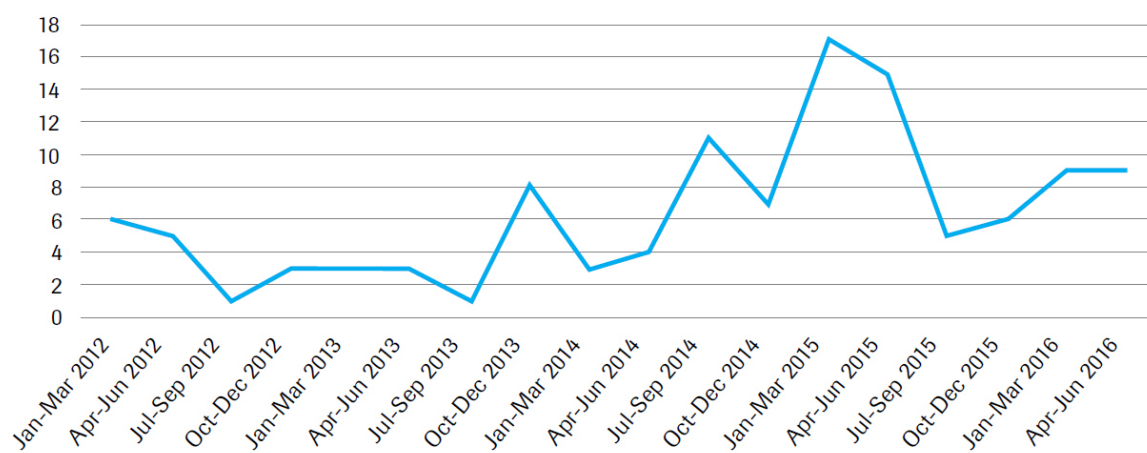
2013	Сентябрь	Си Цзиньпин объявил о создании инициативы «Один пояс - Один путь»
	Октябрь	Си Цзиньпин объявил о создании Морского Шелкового Пути
2014	Март-Апрель	Первые заявления об инициативе Си Цзиньпином во время визита в Европу (Германия и Бельгия)
2015	Март	Китай публикует план действий ОПОП
	Июнь	Подписание соглашений АБИИ
	Сентябрь	Европейско-Китайское соглашение, устанавливающее платформу для взаимодействия
	Октябрь	ОПОП представлена Си Цзиньпином во время поездки в Великобританию
2016	Март	ОПОП представлена Си Цзиньпином во время поездки в Чешскую Республику
	Июнь	ОПОП представлена Си Цзиньпином во время поездки в Сербию и Польшу

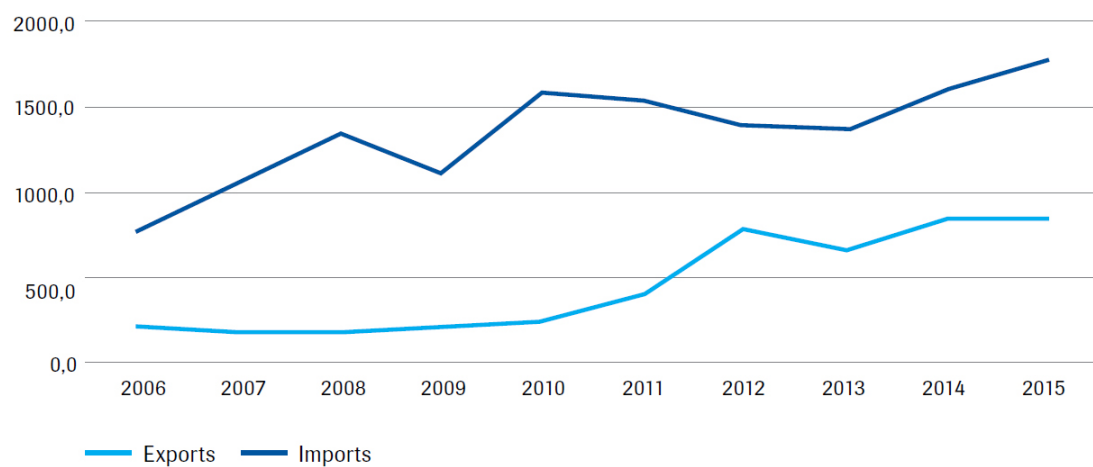
	Членство в АБИИ	Взаимо- пони- мание ОПОП	Членство в «16+1»	Проекты связанные с ОПОП	Железнодорожные проекты связанные с ОПОП	Заинтересованность в странах 3 мира
Чешская Республика		X	X			
Дания	X					X
Франция	X				X	X
Германия	X				X	X
Греция				X	X	
Венгрия		X	X		X	
Италия	X			X		
Нидерланды	X			X	X	X
Польша	X	X	X	X	X	
Португалия	X			X		X
Словакия		X	X			
Испания	X				X	X
Швеция	X					X
Велико- британия	X					X

Вклад ЕС, США и Китая способствующий росту мировой экономики

Число публикаций, упоминающих «Новый Шелковый Путь»

Основные события в отношениях между Китаем и ЕС.

1975	6 мая	Установлены дипломатические отношения. Кристофер Сомс — первый европейский представитель, посетивший Китай.
1979	Февраль	Президент Комиссии Рой Дженкинс посетил Китай. Первая встреча президента Комиссии и Дэн Сяопина.
1980	16-19 Июня	Первое межпарламентское совещание между делегациями ЕП и Всекитайского Собрания Народных Представителей, Страсбург, Франция.
1984		Первые политические консультации на уровне министров в контексте Европейского Политического Сотрудничества.
1985	21-23 Мая	Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве.
1988	4 Октября	Открытие Пекинской Делегации в офисе Европейской Комиссии.
1989	Июнь	В качестве реакции на инциденты на площади Тяньаньмэнь 4 июня, ЕС замораживает отношения с Китаем и налагает ряд санкций, включая эмбарго на поставки оружия.
1992		Отношения между ЕС и Китаем нормализовались; Эмбарго на поставки оружия остается.
	Июнь	Установление нового двустороннего политического диалога.
1993	Октябрь	Открытие представительства Европейской комиссии в Гонконге.
1995	15 Июля	Европейская комиссия публикует первое сообщение «Долгосрочная политика в отношениях между Китаем и Европой».
		Запуск диалога по вопросам прав человека.
1996	1-2 Марта	Первое Азиатско-Европейское совещание (ASEM).
1998	25 Марта	Европейская комиссия публикует сообщение «Построение всестороннего партнерства с Китаем».
	2 Апреля	Первый саммит ЕС-Китай, Лондон, Великобритания.
1999	21 Декабря	Второй саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай
	11 Июля	Визит премьер-министра Чжу Жунцзи в Брюссель, Бельгия (первый визит китайского премьера в Комиссию).
	24 Октября	Третий саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай.
2001	15 Мая	Европейская комиссия публикует сообщение «Стратегия ЕС в отношении Китая: реализация 1998 года. Коммуникация и будущие шаги для более эффективной политики ЕС».
	5 Сентября	Четвертый саммит ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия.
	11 Декабря	Китай становится 143-м членом Всемирной торговой организации (Двустороннее соглашение о вступлении Китая в ВТО).

2002	Июнь	Обмен письмами, укрепляющими политический диалог между ЕС и Китаем
	24 Сентября	Пятый саммит ЕС-Китай, Копенгаген, Дания
2003	10 Марта	ЕС открывает в Тайване Европейское экономическое и торговое ведомства.
	3 Июня	Китай официально заявляет о статусе рыночной экономики в рамках антидемпингового инструмента ЕС.
	13 Октября	Совет министров ЕС одобряет решение Европейской комиссии принять политический документ «Созревающее партнерство: общие интересы и проблемы в отношениях между ЕС и Китаем».
	13 Октября	В Китае впервые публикуется политический документ по ЕС
	30 Октября	Шестой саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай. Соглашения, подписанные на саммите: <ul style="list-style-type: none"> - Сотрудничество в программе спутниковой навигации Galileo. - Диалог по промышленной политике. - Диалог между ЕС и Китаем по интеллектуальной собственности.
2004	16 Апреля	Президент Комиссии — Романо Проди посетил Китай.
	6 Мая	Премьер-министр Китая — Вэнь Цзябао посетил штаб-квартиру Комиссии. Подписаны новые инициативы по диалогу. Соглашение о таможенном сотрудничестве. Политические лидеры рекомендуют внедрить «Руководящие принципы для общих действий».
	8 Декабря	Седьмой саммит ЕС-Китай, Гаага, Нидерланды. ЕС и Китай подписали: <ul style="list-style-type: none"> - Совместную декларацию о нераспространении и контроле над вооружениями. - Соглашение о таможенном сотрудничестве между ЕС и Китаем. - Соглашение о сотрудничестве в области НИОКР по мирному использованию ядерной энергии.
2005	14-18 Июля	Президент Комиссии — Баррозу посетил Китай.
	5 Сентября	Восьмой саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай. ЕС и Китай подписали: <ul style="list-style-type: none"> - Меморандум о взаимопонимании по труду, занятости и социальным вопросам. - Совместное заявление о сотрудничестве в области космической эксплуатации, развития науки и техники. - Совместную декларацию об изменении климата.
	20 Декабря	Первый Стратегический диалог ЕС-Китай, Лондон, Великобритания.
2006	30 Марта	Проведены первые двусторонние консультации между ЕС и Китаем в рамках Партнерства по изменению климата, Вена, Австрия.
	6 Июня	Второй стратегический диалог ЕС-Китай, Пекин, Китай.

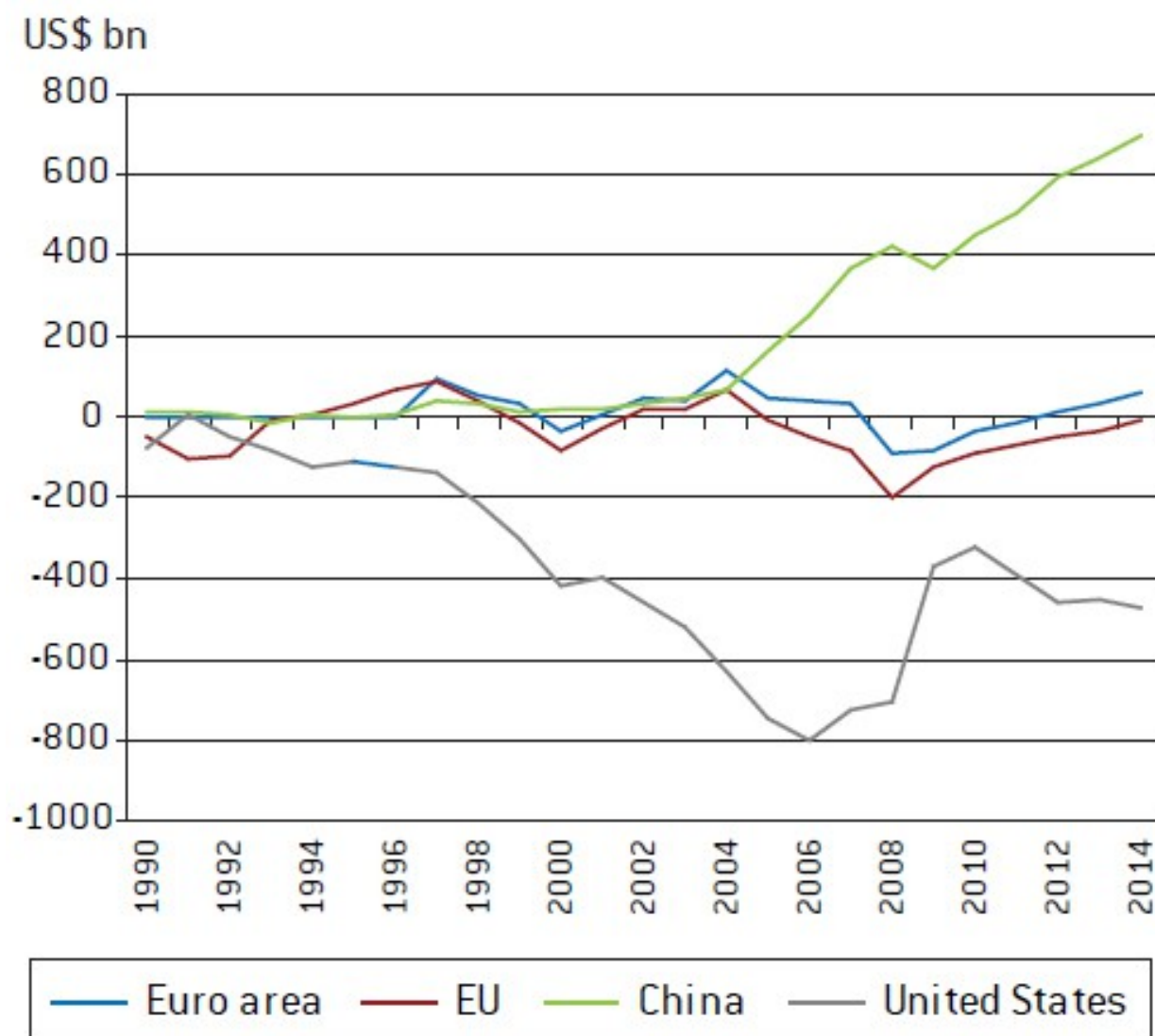
	9 Сентября	Девятый саммит ЕС-Китай, Хельсинки, Финляндия: ЕС и Китай договорились об открытии переговоров по новому всеобъемлющему рамочному соглашению.
	24 Октября	Комиссия принимает сообщение «ЕС-Китай: более тесные партнеры, растущие обязанности» и политический документ по торговле и инвестициям.
2007	22 Июня	Первое заседание Круглого стола гражданского общества ЕС-Китай, Пекин, Китай.
	25 Октября	Третий Стратегический диалог ЕС-Китай, Лиссабон, Португалия.
	28 Ноября	Десятый саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай. ЕС и Китай установили диалог на высшем уровне по экономическим и торговым вопросам, который активизировал сотрудничество в области изменения климата
2008	24-25 Апреля	Президент Баррозу и девять представителей ЕС встречаются со своими коллегами в Пекине, Китай.
	25 Апреля	Первый Экономический и торговый диалог высшего уровня ЕС-Китай, Пекин, Китай.
	11 Июня	Министр иностранных дел Китая — Ян Цзечи посетил Брюссель, Бельгия
2009	19 Января	Четвертый стратегический диалог между ЕС и Китаем, Пекин, Китай
	30 Января	Премьер-министр Китая — Вэнь Цзябао посетил Брюссель, Бельгия.
	7-8 Мая	Второй Экономический и торговый диалог высшего уровня ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия.
	20 Мая	Одиннадцатый саммит ЕС-Китай, Прага, Чехия: ЕС и Китай - рассмотрели вопросы финансового кризиса и изменения климата.
	30 Ноября	Двенадцатый саммит ЕС-Китай, Нанкин, Китай. ЕС и Китай - Согласились ускорить переговоры по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве. - Договорились укреплять обмены между людьми и культурное сотрудничество.
	17 Декабря	Пятый стратегический диалог между ЕС и Китаем, Стокгольм, Швеция.
2010	28 Января	Встреча с вице-президентом Эштоном в ЕС с участием Ян Цзечи в рамках Лондонской конференции по Афганистану.
	12 Апреля	Встреча между президентом Ван Ромпеем и Председателем Ху (Вашингтон, в кулуарах Саммита по ядерной безопасности).
	26 Апреля- 2Мая	Президент Баррозу, глава ЕС, вице-президент Эштон и другие представители ЕС посетили Пекин и Шанхай.
	29 Августа - 4 Сентября	Визит Э. Эштона в Китай (встреча министров иностранных дел) Первый Стратегический диалог на высшем уровне между ЕС и Китаем.
	6 Октября	Тринадцатый саммит ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия. ЕС и Китай рассмотрели вопросы, связанные с глобальным управлением (устойчивый рост в посткризисно-мировой экономике),

		торговлю и инвестиции. Как укрепить политический диалог.
	21 Декабря	Третий Экономический и Торговый диалог на высшем уровне, Пекин, Китай.
2011	12 Мая	Второй Стратегический диалог на высшем уровне ЕС-Китай, Гёдолле, Венгрия.
	15-18 Мая	Президент Ван Ромпей посетил Китай.
	7 Июня	В.П. Эштон встретился с министром иностранных дел Яном в преддверии встречи министров иностранных дел ASEM, Гёдёлле, Венгрия.
	21 Сентября	В.П. Эштон встретился с министром иностранных дел Яном в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, США.
	24-25 Октября	Визит Э. Эштона в Китай.
2012	17 Января	В.П. Эштон встретился с Государственным советником Дай Бинго, Нью-Дели.
	14 Февраля	14-й саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай: ЕС и Китай обсудили двусторонние вопросы, включая стратегическое партнерство, торговлю, изменение климата. Они объявили о новых инициативах: Партнерство в области устойчивой урбанизации. Диалог власти с людьми. Усиленное сотрудничество в области энергетики.
	18 Апреля	Запуск диалога между А. Вассилиу — представителем ЕС по вопросам образования, культуры, многоязычия и молодежи и г-жой Лю Яндун — советником Государственного совета Китайской Народной Республики, по вопросам народов и Китаем на высшем уровне, Брюссель, Бельгия.
	3 Мая	Визит вице-премьер-министра — Ли Кэцзяна в Брюссель. Первое заседание высшего уровня ЕС-Китай по энергетическому запуску Партнерства ЕС-Китай по вопросам урбанизации.
	30 Мая	В.П. Эштон встретился с Ван Цзяруем — министром международного отдела ЦК КПК, Пекин, Китай.
	9-10 Июля	Третий стратегический диалог на высшем уровне ЕС-Китай, Пекин, Китай.
	19-20 Сентября	Первый форум мэров ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия.
	20 Сентября	Пятнадцатый саммит ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия. Лидеры обсудили экономические и финансовые вопросы, торговые отношения, в том числе расширенный доступ к рынкам, государственные закупки и экспортные кредиты, дальнейшее сотрудничество в рамках Стратегического партнерства между ЕС и Китаем и международных вопросов (Сирия, Иран, Восточная Азия). Это был 10-й и последний саммит ЕС-Китай, на котором присутствовал премьер-министр Вэнь Цзябао.
2013	25-28 Апреля	Визит Э. Эштона в ЕС в Китай. Двусторонние встречи с Председателем Народной политической консультативной конференция Ю. Чжэншэн, государственным советником — Ян Цзечи, министром иностранных дел — Ван И, и государственным советником и министром обороны генералом Чан

		Ванкуань.
	9-18 Сентября	Первое посещение EUSR по правам человека в Китае, включая Цинхай и Тибет.
	24 Октября	Четвертый высокоуровневый экономический и торговый диалог, Брюссель.
	21 Ноября	Шестнадцатый саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай. Включал обед в честь президентов Ван Ромпей и Барросо, организованный президентом Си Цзиньпином. Принятие Стратегической повестки дня для сотрудничества между ЕС и Китаем 2020, которая охватывает следующие вопросы: мир и безопасность, процветание, устойчивое развитие и обмен культурными ценностями. Состоялись следующие мероприятия: форум по вопросам урбанизации (21/11), суб-форум и выставки, диалог на высшем уровне о сотрудничестве и инновациях.
	22-23 Ноября	Президент Баррозу посетил Гонконг и Макао. 20-летие соглашения о торговле и сотрудничестве ЕС-Макао.
2014	23-25 Января	Визит в Китай EUSR по вопросам Центральной Азии.
	27 Января	Четвертый стратегический диалог на высшем уровне ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия.
	6 Марта	Первый диалог по международному развитию, Брюссель, Бельгия
	31 Марта	Первый визит китайского президента Си Цзиньпина в Брюссель.
	2 Апреля	Выпуск китайской «Белой книги» по отношениям между ЕС и Китаем.
	5-6 Сентября	Второй раунд диалога людей с властью между ЕС и Китаем, Пекин, Китай.
	11 октября	Встреча между президентом ЕП Шульца и премьер-министр Ли Кекианг, Гамбург, Германия.
2015	15-17 Марта	Президент ЕП — Шульц посетил Китай.
	5 Мая	Пятый стратегический диалог на высшем уровне ЕС-Китай, Пекин, Китай.
	6 Мая	Празднование 40-летия отношений ЕС-Китай.
	29 Июня	Семнадцатый саммит ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия. <ul style="list-style-type: none"> - Создание платформы подключения. - Согласие активизировать сотрудничество для решения ключевых экологических проблем. - Стремление сотрудничать в области энергетики. - Договор об установлении диалога по правовым вопросам между ЕС и Китаем. - Дальнейшее развитие сотрудничества в области обороны и безопасности.
	15 Сентября	Третья встреча Диалога «Люди на высоком уровне», Платформа Европейского Союза по высшему образованию для сотрудничества и обменов, Брюссель, Бельгия.
	28 Сентября	Пятый экономический и торговый диалог на высшем уровне, Пекин, Китай.

	9-13 Ноября	EUSR посещает центр по правам человека в Пекине, Гуанчжоу, Шэньчжэне и Гонконге.
2016	20-22 Января	Первое заседание Рабочей группы по платформе связи ЕС-Китай.
	6 Апреля	Первый обзор реализации проекта «Повестка дня на 2020 год» в Китае, Китай, Китай.
	10 Июня	Шестой стратегический диалог на высшем уровне ЕС-Китай, Брюссель, Бельгия.
	21-22 Июня	Первый диалог по правовым вопросам в Пекине, Китай.
	22 Июня	Высший представитель Союза по иностранным делам в политике и безопасности и Европейская комиссия приняли Совместное сообщение по элементам стратегии ЕС по Китаю.
	12-13 Июля	Восемнадцатый саммит ЕС-Китай, Пекин, Китай.

Государственный бюджет

Меры относительной экономической мощи Китая, Европы, Северной Америки и других стран.

